

Людмила Милевская

ЖЕНИХ со знаком качества

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ **ЭКСМО**

Соня Мархалева – детектив-оптимистка

Людмила Милевская

**Жених со знаком качества,
или Летняя форма надежды**

«Автор»

2002

Милевская Л. И.

Жених со знаком качества, или Летняя форма надежды /
Л. И. Милевская — «Автор», 2002 — (Соня Мархалева –
детектив-оптимистка)

Еще недавно Роберт – надежда фундаментальной науки – собирался наложить на себя руки из-за грандиозного провала на международной конференции. Но судьба распорядилась иначе – и все понеслось кувырком. Яд, который Роберт припас для себя, выпила неизвестная дамочка, родная мама в авральном порядке подыскивает великовозрастному сыночку невесту, а в квартиру Робика то и дело кто-то подкидывает труп... Какие уж тут невесты... И вот тогда ситуацию берет в свои руки Сонька Мархалева, которой всегда и до всего есть дело.

Содержание

Вместо пролога	6
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	31
Глава 6	35
Глава 7	39
Глава 8	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Людмила Милевская

Жених со знаком качества, или Летняя форма надежды

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Наши мужчины все делают неправильно. Они истребляют себя прямо у нас на глазах: бегут на рыбалку, на работу, на войну, в науку, в пивную, в гастроном, в политику и... к другим женищинам – что опасней всего. Мы, женищины, недоумеваем: зачем они бегут куда-то, когда мы так в них нуждаемся? Мы с болью в сердце хотим знать: зачем они суетятся, когда рождены любить нас, оберегать, холить, лелеять и восхищаться. Восхищаться, разумеется, только нами, своими женищинами...

Почему они, эти мужчины, так плохо выполняют свое предназначение?

Нераскрытая тайна, вечная загадка...

Мои каждодневные упражнения по «Изучению мужчины» доказали: пока жив на планете хоть один подопытный экземпляр, надежда познать мужчину не умрет.

Предлагаю вам летнюю форму надежды.

Вместо пролога

Тому, кто считает жизнь прекрасной, скажу: так будет не всегда. На самом деле жизнь невыносима. Особенно, когда подымаешь от одиночества, страха и тоски. И уж совсем она злодейская штука, когда видишь перед собой бездыханное тело человека близкого и нужного как воздух. Вот когда реальность превращается в пытку: еще недавно хмурились эти брови, еще недавно пристально смотрели эти насмешливые глаза, и губы шевелились, выплевывая безжалостные фразы... и вот перед тобой труп.

С незнакомым лицом. С деревянными руками и ногами. Труп!!! Безжизненное тело, равнодушное и чужое... Только что оно по-дружески ненавидело тебя, а теперь лежит безразличное и немое. И карой небесной именно в этот момент осознаешь то, чего не понимал раньше: тело это... Да-да, тело – человек, разве это не одно и то же? Это тело всегда было (было!) родным. Легкое подрагивание бровей, кривая улыбочка, нервные движения длинных и тонких пальцев, падающая на лоб прядь волос – все, на что я так безучастно взирал совсем недавно, сейчас, в эту трагическую минуту, составляет для меня наивысшую потребность. Разум сата-неет от горя, сердце заходится от боли, от жестокого осознания безобразной истины: губ этих и бровей не увижу уже никогда.

Никогда!!! Никогда... Невозможно вдохнуть в бездыханное тело жизнь.

Но есть истина и пострашней: виной тому я сам... Я, смиренный, ленивый, законопослушный...

Уму непостижимо, как со мной могло такое случиться? Совсем недавно жил (как все) обычной скучной жизнью: ел, спал, работал, изредка веселился, искал удовольствий, мог предсказать каждый свой шаг, лениво строил планы...

Планы. Планы, планы, планы... Воистину золотые слова: расскажи Господу о своих планах, пусть Всевышний посмеется...

Глава 1

Из Парижа я вернулся в том самом настроении, в каком с оптимизмом взираешь лишь на веревку, желательно уже намыленную. Это был провал. Абсолютный провал.

Абсолютный и позорный. Насмешил весь научный мир. Столп, заваленный мальчишкой.

Я страдал. Душа – разрытая траншея, которую неизвестно когда заруют, потому что трубы все еще не подвезли и подвезут ли никто не знает. Что вдохновило меня на такое затейливое сравнение понятия не имею, но «душа – траншея» сказано очень точно. На конференции душу мою разворотили очень глубоко. Жить совсем не хотелось.

Хотелось запереться в квартире, упасть на диван, на голову – подушку и забыться... Хотя бы на сутки.

Однако отгородиться от внешнего мира диваном и подушкой не удалось. Первой позвонила мать. Непостижимым образом она всегда чувствует мою беду и, надо отметить, всегда невовремя дает о себе знать. Мать, как пчела на мед, летит на мои проблемы, чтобы лишним раз констатировать какое я ничтожество и как умна она, да заодно дать дельный совет, которым невозможно воспользоваться. Иными словами, мать никогда не упустит случая чтобы окончательно отравить мою жизнь. Я очень ее люблю, но за это порой ненавижу.

– Роби, это ты?

Боже, какой напор! А голос! Сколько в нем превосходства! Всего три слова, а собеседник буквально стерт с лица земли, но перед этим оскорблен и унижен. Так может разговаривать только моя мать.

– Роби! Это ты?

– Да, мама, это я.

Безграничное удивление:

– Ты?!!! Роби!!! Ты?!!! Неужели?!!!

Я вспылал:

– Да, мама, это я! Кто еще может отвечать из моей квартиры? Ты не забыла, твой сын живет один.

– Не по моей вине, – мгновенно парировала мать. – Если бы ты слушал умных людей... (То есть ее.)

– ... то давно уже был бы счастлив, как это делает твоя сестра Кристина.

Я испугался и поспешил сообщить:

– Да-да, знаю, Кристина живет припеваючи со своим бизнесменом. Как сыр в масле катается. Просто устала от счастья, истомилась, о чем ты непрестанно поешь, не за этим ли ты и сейчас позвонила?

– Звоню тебе, чтобы сказать: Роби, ты глупец и неотесанный мужлан, весь в своего папочку.

Мать никогда не лезла за словом в карман; я решил помолчать. Тем более, что говорить вдвоем бесполезно.

– Слава богу, Кристина удалась в меня, – тем временем уже радовалась мать. – Все в ней комильфо. Образованна...

(Будто я неуч. Или доктор наук для нее мало?)

– ... красавица...

(Будто я урод.)

– ... умница...

(Будто я дурак.)

– ... никогда своего не упустит...

(Да-а, здесь мне до нее далеко. И всем далеко. Кроме матушки, разумеется. Эти две особы – мои ближайшие родственницы – даже Иисуса Христа считают своим.)

Весь Мир – их собственность – им же остается только прикидывать как всем этим выгодней распорядиться. Как подумаю откуда я взял свои гены... Нет, кажется, я точно повешусь.)

– Поэтому, Роби, я за Кристину спокойна, чего не могу сказать о тебе. Никогда и ни в чем не добьешься успеха. Господи, ну почему ты у меня такой пентюх? – трагическим вопросом задалась мать и тут же огорошила меня ответом: – А все потому, что плохо соображаешь. Просто удивительно как с такими дрянными мозгами ты угодил в науку. Кстати, почему ты не хвастаешь? Как прошла конференция?

Мне сразу расхотелось вешаться – захотелось застрелиться, так намного быстрее.

– Роби, как прошла научная конференция? Отвечай! Почему ты молчишь?

– Конференция прошла нормально, мама.

Сказать о провале у меня не хватило духу, но если она начнет расспрашивать, придется признаться. Даже представить не могу что тут начнется, я этого не переживу. Вот когда я порадовался, что матери (если зреть в корень) нет дела до меня – она с энтузиазмом продолжила петь дифирамбы Кристине.

– Девочка младше тебя на десять лет, но уже добилась всего: дача в Переделкино, вилла в Испании, квартира в Лондоне, квартира в Москве... Да нет, уже три квартиры в Москве и в Нью-Йорке квартира, в придачу яхта, автомобили...

Мать вдохновенно перечисляла, а я окончательно затосковал. Поскольку муж сестры и в самом деле даром время не терял, то Кристина добилась многого.

Перечислять можно долго; я с тоской оглянулся на подушку, понимая, что если не застрелиться, то вздремнуть вполне успею. Но как бы не так: неожиданно мать оставила в покое Кристину и переключилась на меня.

– Роби! – изумленно закричала она. – А почему ты дома? Ты же должен быть в Париже! Мне сразу расхотелось спать, зато снова захотелось застрелиться.

– Если я должен быть в Париже, то почему ты мне звонишь? – оттягивая ответ, поинтересовался я.

Мать не стала выходить за пределы своей логики.

– Потому что я всегда тебе звоню, – сказала она и прикрикнула: – Роби, ты мне зубы не заговаривай! Отвечай, почему ты не в Париже?

– Мама, я вернулся.

– Вернулся? На целых три дня раньше? Из Парижа?

В ее понимании это непростительная глупость.

– Да, мама, да, – подтвердил я.

Приговор последовал незамедлительно:

– Роби, ты сошел с ума! Все нормальные люди под любым предлогом стараются затянуть заграникомандировку. Чем плохо разгуливать по Парижу за счет государства?

Что может быть прекрасней? Ты же, рохля, мчишься домой, будто здесь тебя ждут радости: жена и дети. Толпа детей... И это мой сын! Нет, это невыносимо! А все твой папочка! Будь проклят день когда я...

– Мама, я привез тебе подарки.

– Что?!

– Подарки.

– Роби, – ее голос стал слаще патоки. – Роби, мальчик мой, иногда ты бываешь трогательным. Нам надо срочно увидеться. Ах, как жаль, что у меня массажистка. И маникюрша вот-вот явится. Никак не могу приехать. Роби, сынок, ты не мог бы заглянуть к своей бедной мамочке?

– Когда?

– Разумеется сегодня. Понимаю, ты занят, но я так соскучилась. Загляни, золотко, хоть ненадолго. Твоя мамочка так одинока.

Осознавая неизбежность, я по-привычке впал в сомнения:

– Не знаю, только вошел в квартиру...

– Роби, милый... Кстати, в вашем доме нет воды. Ты уже видел траншею?

Ах вот откуда взялось это сравнение: душа-траншея! Оказывается я заметил это безобразие под окном. Еще бы, разрыли всю улицу.

– Роби, тебе необходимо помыться с дороги. Приезжай, сынок, примешь ванну, выпьешь кофе...

Спорить было бесполезно. Я обреченно вздохнул:

– Ну хорошо, мама, так и быть, чуть позже приеду.

– Когда?

– Ближе к вечеру.

– Ах, молодчина! Роби, дорогой, жду тебя через двадцать минут.

– Мама, я не успею...

– Никаких возражений, слышишь, уже ухожу, как думаешь, куда?

Господи, о чем она спрашивает: знает сама, что может уйти куда угодно, не взирая на болячки и возраст.

– Понятия не имею, – избегая проблем, ответил я.

– Так знай: пошла набирать тебе ванну и варить кофе, мой неблагодарный сын. Да, Роби, смотри не забудь подарки.

– Я не самоубийца.

Хотя, жить окончательно расхотелось. В сорок пять лет не уметь совладать с мамочкой! Как она меня воспитала? Как ей это удалось? Ей бы работать дрессировщицей в цирке, если бы она вообще когда-нибудь хотела работать.

Я начал собираться. Воды действительно не было. Выглянул в окно – черт, перед домом траншея. Тогда я еще не знал какую необычную роль она сыграет в моей жизни. Тогда я переживал лишь о том, что теперь в доме долго не будет воды. От этих мыслей меня отвлек телефонный звонок, на который я не обратил внимания. Для нашей страны рядовые слова.

– Ну че, попал, козел? – интересовался противный голос с блатнецей. – Или ще не понял?

– Ошиблись номером, – сказал я и бросил трубку.

И телефон опять зазвонил. Но это был уже мой старый друг и коллега Виктор Заславский – щеголь, бабник, гурман и отчасти профессор. Баловень судьбы, счастливчик, у которого все самое-самое: самая красивая жена, самая умная дочь, самые высокие доходы, самая трехэтажная дача и самая блестящая карьера. К таким обычно тянутся. Таким обычно завидуют. Все, кроме меня. Нет, вру: я тоже завидую. У него есть то, что мне необходимо и чего нет у меня: прекрасная жена. Мария дивная женщина: красивая и добрая. Согласитесь, редкое сочетание.

Судя по всему, Заславский уже знал о моем провале. Великодушно начал успокаивать, – настоящий друг.

– Роб, ерунда, не принимай близко к сердцу, ты не в чем не виноват.

– А кто виноват? – сухо поинтересовался я, достойно собираясь ограничиться одной этой фразой, но как бы не так. Меня прорвало.

– Столько лет биться, – с чувством закричал я на Заславского, будто он в чем-то провинился. – Тебе этого не понять, ты себя ничего не лишал. У тебя есть все, ты везде баловень, даже в науке. Ты жил. А я бросался грудью на амбразуру. Что у меня за судьба? Столько лет лишать себя отдыха, нормальной жизни, жены, детей... Открою тебе секрет: я мечтаю о сыне. Да-да, еще мечтаю, хотя в моем возрасте сына давно пора бы воспитывать, свой опыт передавать, свою мудрость.

Впрочем, мудростью от меня и не пахнет. Я дебил! Не возражай! Настоящий дебил! А кто же еще? Подумай сам: столько лет всецело отдаваться делу, чтобы потом узнать: кто-то решил эту проблему раньше тебя. Решил мимоходом. Какой-то мальчишка. Ветреник. Легко. Играя.

В общем, я был не в себе, разошелся как баба. Заславский (настоящий друг) не обижался, молчал, понимал, как мне горько. Мне вдруг стало стыдно, я взял себя в руки и печально спросил:

– Знаешь сколько ему лет?

– Знаю, двадцать шесть, – виновато пробубнил Заславский.

– Виктор, а мне сорок пять. И весь мой труд полетел к черту. Все кончено. Я бездарь.

Я бросаю науку.

Виктор испугался:

– Роб, ты что там задумал? Не дури! Сейчас же еду к тебе!

– Не трудись, уже исчезаю.

– Куда?!!!

– Везу матушке подарки.

Заславский вздохнул с облегчением, буркнул «созвонимся» и повесил трубку.

Я обхватил голову руками и сколько так просидел не знаю. До позора на конференции никогда о жизни своей не задумывался: просто делал дело и был вполне доволен. Да и времени на раздумья не хватало: работы непочатый край. Теперь же, когда выяснилось: весь труд в песок, вся жизнь – даром, поневоле задумался.

Окинув мысленным взором прожитые годы, я ужаснулся. Как бесцветен, как скучен мой быт и как бесперспективен. Мне сорок пять, а за плечами одни неудачи. Развод с любимой женой, тоска. Я до сих пор ее люблю, но всегда был так занят, что осознать это времени не нашел. Люблю ее, а сплю с другой. Светлана, конечно, хорошая женщина, но...

Вспомнив Светлану, я поморщился. Наши встречи давно обаяловка...

На самом деле я одинок: нет семьи, нет детей. О, Господи, как я хочу сына! Еще успел бы его воспитать. Нет, я не могу так бездарно тратить свое личное время... Но как пойти на разрыв? Не хватает духу... Что же делать? Влачить это жалкое существование?

К тому же у меня с ней уже проблемы, обычные мужские трудности, естественные для моего возраста. Из отношений исчезла новизна, появилась обыденность.

Обыденность без любви страшная штука. Тем более, что я давно утратил юношескую гиперсексуальность. Теперь каждый раз задаешься вопросом: а буду ли я на высоте?

Женщины вообще не подозревают о мужских бедах, о нашей зависимости от здоровья, от настроения, эмоционального состояния. Им кажется, что мы всегда готовы. Чуть что не так, сразу приговор: не мужик. Или еще хуже: импотент. Женщины так поверхностны потому, что им все легко достается. У них одна забота: найти путевого мужика, остальное – его проблемы. Было бы проще, встречайся мы реже, но Светлана настойчива. Обижается. Наши встречи давно не приносят радости, так зачем же...

А что мне приносит радость?

...

Неужели только работа?

А результат?

Я пришел к выводу, что удар был бы меньшим, имей я личную жизнь, а не только науку. Слишком уныло и спокойно живу, без праздников и эмоциональных всплесков, без событий. Моя четырехкомнатная квартира, рассчитанная на большую семью, превратилась в монашескую келью. Она месяцами не видит людей. Я тенью брожу по огромным комнатам и дичаю. Телефон молчит. Я одинок и, похоже, уже полюбил свое одиночество. Видимо, это в моей натуре. Я сухарь, потому и ушел с головой в работу. Надо же чем-то себя, унылого, занять. Чем так жить, лучше действительно застрелиться...

Бог знает до чего я додумался бы, но раздался звонок. Это была мать.

– Роби! Ты еще там? Это безобразие!

Я подскочил как ужаленный:

– Иду, мама, точно иду.

Уже собирался покинуть квартиру, уже взялся за дверную ручку – и снова звонок. На этот раз Варвара Заславская – дочь Виктора и Марии, восемнадцатилетняя симпатичная особа...

Как я завидую им, этим Заславским! Будь у меня такая дочь... Да-да, я согласен на дочь, на прелестную милую крошку. Еще успею ее воспитать. До возраста Вари. С Варей мы очень дружны, изредка она ко мне заходит, доверяет свои девичьи секреты, просит у меня, дебила, советов. Учитывая какой в моей жизни бардак, очень рискует. Впрочем, я для нее не авторитет, а, скорее, подруга. Отношения наши весьма демократичны: мы всегда были на ты...

На этот раз Варвара рыдала:

– Роб, я не переживу! Это конец! Конец! Он меня бросил! Бросил! Я еду к тебе!

Ей нетерпелось поплакать на моем плече.

– Варя, очень жаль, но я ухожу.

– Куда?

– К матушке.

– А-аа, – разочарованно протянула Варвара.

У нее сразу отпали вопросы.

Едва нас разъединили, как снова раздался звонок. «Мать меня убьет,» – подумал я и поднял трубку. Это была Мария Заславская – жена Виктора. Я думал она начнет соболезновать мне по поводу провала или начнет жаловаться на горе Варвары, но Мария заговорила о другом.

– Роберт, – очень странным голосом сказала она, – нам срочно надо встретиться. Я еду к тебе.

– Что случилось? – взволновался я. – Что-то с Виктором?

– Нет.

– С Варей?

– Нет.

Я растерялся:

– А с кем?

– Со мной.

Я вздохнул с облегчением. Что может случиться с разумной, опытной, обстоятельной и правильной сорокалетней женщиной? Учитывая, что Мария никогда нигде не работала и всецело посвятила себя семье, члены которой мне только что досаждали, я успокоился вдвойне и сказал:

– А нельзя ли перенести твой визит на вечер? Я еду к маме.

– Да, конечно, – сразу согласилась Мария и, не прощаясь, повесила трубку.

Но телефон тут же зазвонил опять. «Ну теперь мать точно меня убьет!» – подумал я и ошибся, это была Светлана. Видимо Заславский ее уже известил о моем провале, по-дружески взял самое неприятное на себя. Светлана начала с напором:

– Роберт, я понимаю как тебе сейчас нелегко, но вынуждена сказать, – и она замолчала.

«Просто дурдом какой-то, – подивился я. – Неужели это мне каких-то полчаса назад так не хватало эмоций и событий?»

– Света, может скажешь потом?

– Почему?

– Я вообще-то спешу.

– Куда?

– К матери. Она меня ждет давно.

– Очень хорошо, – почему-то обрадовалась Светлана. – Значит надо сказать прямо сейчас, пока тебе тяжело. Потом будет еще хуже.

Я испугался. Что за странные речи? Что она там придумала? И как всегда невовремя. Не хватало мне дополнительных проблем. Ох уж эти женщины!

– Хорошо, Света, раз собралась, то говори, не тяни резину. У меня уже сердце не на месте. Кстати, сегодня мы не сможем с тобой увидеться, – пользуясь моментом, на всякий случай решил предупредить я.

– Да-да, конечно, – согласилась она и замолчала.

Мне стало стыдно, по обычаю начал подлизываться:

– Светик, не обижайся. Если бы я приехал вовремя и в Париже все прошло бы удачно... Ты уже знаешь о моем провале?

– Увы, да, мне Заславский сказал.

– Как видишь, я не на коне, хвастать нечем. Будь я героем, то конечно же сразу бросился бы к тебе, но сейчас, когда... С таким настроением... Разрушилось дело моей жизни... Я растерян... Но подарки тебе привез. Если хочешь, можешь забрать, пока я буду у матери. Только прошу, меня не дожидайся. Я устал, скверно настроен, зол, грязный к тому же. Кстати, в доме нет воды. Под окном разрыли траншею...

Вдруг я с удивлением заметил, что уже довольно долго говорю и никто меня не перебивает. Случай невиданный. Не могла же она так сильно обидеться. Или связь прервалась? О, как я был прав насчет нашей связи.

– Аллю, Света, ты где?

– Я здесь, Роберт.

– А почему молчишь?

– Слушаю.

– Нет, ты сегодня удивительная. Она слушает. Слушает и ничего не хочет сказать. Что ты обо всем этом думаешь?

– О чем?

– О том, что я только что тебе говорил!

– Ты прав...

Я похолодел:

– Прав?

– Ну да.

– Прав да и только? И никаких комментариев не появилось у тебя?

– А какие здесь могут быть комментарии? Ты подавлен, устал, хочешь побыть один. Это нормально.

– Конечно, но ненормально это слышать от тебя. Ты не заболела?

В трубке раздались всхлипывания.

– Света! Ты плачешь?

– Нет, – сказала она и разразилась рыданиями.

Я занервничал: мать меня убьет. Ну почему так всегда: как только дам ей слово, на пути его исполнения сразу вырастают непреодолимые препятствия? Я буду последней скотиной, если не увижусь теперь со Светланой. Я представил ее, убитую горем, маленькую, беззащитную, с детски оттопыренной губой. Она всегда ее оттопыривает, когда плачет. Вдруг вспомнил, что благодаря мне она плачет часто...

Какая же я скотина!

Хм, скотина? Пожалуй, да, но не надо ей знать об этом. Женщин это портит. О чем об этом?

О том, что я скотина, и о моем прозрении. Да, надо прятать чувство вины. Посыпать голову пеплом, это не в моих интересах.

– Ну хорошо, – вздохнул я, – терпеть не могу женских слез, поэтому перестань плакать. А еще лучше, приезжай ко мне, я тебя успокою.

То, что услышал в ответ, казалось невероятным. Клянусь, не поверил своим ушам.

– Роберт, я не приеду, – пропищала Светлана и снова горько-горько заплакала.

– Да почему ты плачешь, черт побери! – завопил я, приходя в ярость.

– Мне тебя жалко.

– Ах вот ты о чем, – смягчился я и принялся ее успокаивать. – Не горюй, ерунда. Этот юнец случайно нащупал то, над чем я бился всю жизнь. Я считал себя выше Эйнштейна, и бог меня наказал. А юнцу повезло. В науке иногда так бывает, но я не сдамся. Теперь жалею, что не остался до конца конференции и не прослушал все доклады. Но ничего, дождусь публикаций и тогда станет ясно...

– Роберт, родной, мы больше не увидимся.

– Да-да, конечно, дорогая, как хочешь, всем станет ясно, что рано меня списывать. То, что там изображал этот выскочка, этот соплик, лишь начало проблемы, вершина айсберга. Я уверен, он сам не подозревает о чем идет речь...

– Роберт, ты не понял, я от тебя ухожу. Ты меня слышишь?

Я слышал только себя, я был в запале, что происходило всегда, когда речь заходила о моей работе.

– Да понял я, все понял, ты куда-то уходишь, но Света, это еще не все. Я уязвлен, но не думай, что сломлен. Я не бездарь и докажу это. Все брошу, отправлюсь в деревню и вот тогда, в тиши-уединении закончу свой труд. Вот тогда и посмотрим. Кстати, ты поедешь со мной в деревню?

Она вновь зарыдала:

– Роберт, прости меня, прости...

«Не поедет,» – с облегчением констатировал я и решил ее успокоить:

– Ну-у, не стоит так убиваться. Если ты не можешь, я отправлюсь один, а ты будешь меня навещать, привозить мне новости и продукты.

Она вдруг разозлилась:

– Роберт! Что ты за мужчина? От тебя даже уйти по-человечески не возможно! Битый час тебе твержу, что у меня другой, а ты даже слушать не хочешь. Так увлечен собой!

– Что-оо?! Другой? Кто другой?

Светлана почему-то расхохоталась. Нервно и зло.

– У меня другой мужчина, болван. И пошел ты к черту со своими продуктами. Пускай их возит другая дура! Если такую найдешь!

И она бросила трубку. И, конечно же, телефон зазвонил опять.

– Бегу, мама, бегу! – в ужасе закричал я, но это была не мама.

– Роб, это снова я, – грустно поведал Заславский. – Может все же встретимся? Тебе Светлана звонила?

– Да, – на автопилоте, не осознавая происходящего, ответил я. – Виктор, она только что звонила.

– И что говорила?

– Что у нее другой мужчина. Болван.

– Кто? – удивился Виктор.

– У нее болван, – свирепея, пояснил я. – Разве Светка может найти другого?

Заславский смущенно усмехнулся:

– Ну-у, болван, все же, наверное, ты. Во всяком случае она-то уж точно тебя ввиду имела, но ты, Роб, не переживай. Я в курсе. Мне кажется, там все несерьезно. Нет, она-то как раз думает, что все очень серьезно, мы с ней разговаривали, она на подъеме, но мой опыт... Короче, Светлана скоро к тебе вернется, я уверен.

– Что-ооо?! – взревел я так, что сам не узнал своего голоса. – Вернется? Да на кой ляд она мне нужна такая?

Заславский, похоже, не слушал меня.

– Вернется-вернется, – продолжал заверять он. – Вероятность: сто процентов. Роб, не возражай, ты оторвался от жизни с этой наукой, но я знаю женщин. Светка любит тебя, только тебя...

– Но я ее не люблю! – завопил я.

– Это ты так думаешь, – просветил меня Заславский. – А на самом деле все по-другому. На самом деле ты к ней привык. Привычка страшная сила. Да это и хорошо. Сам понимаешь, в твоём возрасте...

– Мы ровесники, – напомнил я.

– В общем да, но я – дело другое, – не согласился Заславский. – В сексе главное – не потерять форму, а для этого надо чаще тренироваться. Все как в спорте.

– Иди ты к черту! – взорвался я и, чтобы поставить точку, признался: – Я люблю свою жену. Понимаешь, до сих пор люблю.

– Похвально, но жены-то как раз и нет под рукой, уже лет двадцать, поэтому придется ограничиться Светланой. Ты мужчина, тебе нужен регулярный секс, даже в твоём возрасте...

– Мы ровесники.

– Ничего, Роб, я не обижаюсь, сейчас главное, не наделать глупостей. Ты остынь и подумай, она классная баба, лично мне нравится ее фигура. А грудь. Ты хоть заметил какая у нее грудь?

«Он что, издевается? – удивился я. – Сватает мне Светлану, которая только что сбежала!»

Захотелось съездить по его гладкой холеной физиономии. Но физиономия была далеко, и я с жаром начал его убеждать как давно мечтал о разрыве, и как мне в тягость эта Светлана, и как я хочу жениться, хочу ребенка: мальчика или девочку – все равно... Но чем больше я его убеждал, тем меньше он в это верил. Я и сам уже не верил, но не отступал. Так продолжалось до тех пор, пока не зазвонил мой мобильный, который совсем нечасто звонит.

– Роби, ты сошел с ума! – разъяренно констатировала мать.

– Еду, мама, уже еду.

– Если ты в довершение забудешь подарки, – прошипела она, – то сам черт тебе не позавидует!

Что можно противопоставить такой угрозе? Счастлив тот, кого не знает моя мама.

Прихватив подарки, я помчался с одной только мыслью: в деревню! В деревню! Сегодня же закажу билеты!

Глава 2

Мать, как обычно, была страшно занята. Чем? Известно чем: в ее доме с утра до вечера толкутся косметички, педикюрши, массажистки... и конечно же подруги.

Разговоры только о теле. Все о теле. Как его лечить, разминать, умять, ублажать, одевать...

Не хочу показаться жестоким, но когда человек живет ради своего тела – это странно. И уж совсем удивительно, если речь идет о теле несвежем, даже пожилom.

Единственное, что можно сделать для такого тела: как можно реже на него смотреть. Лучше совсем не обращать внимания. Шестидесят пять лет – именно столько моей матери – как раз тот возраст, когда пора бы уже вспомнить и о душе, о которой все предыдущие годы как-то не думалось. Согласен, если женщина молода, красива и зовуща, то ей не до души: занимают другие проблемы. Но не для того ли Господь старит наши тела, чтобы мы могли вспомнить о душах?

Только не надо делать вывод, что все то время, пока я сидел на кухне в ожидании матушки, меня занимали именно эти мысли. Нет, я горевал не о теле и не о душе, а о Светлане. Мне вдруг открылось, что Заславский прав: я люблю, люблю Светлану, уже давно люблю. Во всяком случае представить, что ее тело и особенно груди (Заславский и здесь прав) ласкает другой болван, а не я...

Нет, этого представить я не мог...

Но представлял ежесекундно, ругая себя за глупость и мазохизм. Кровь прилиwała к моему лицу, с зубов летела крошка, сжимались кулаки...

«Как коварны женщины», – зверея, думал я.

Не скрою: испытывал острое желание поколотить соперника и убить Светлану. Да-да, даже убить! Мысли мои все время обращались к прошлому.

«Эти женщины, – страдал я, – безжалостные твари. Мужчины в их руках игрушка. Замянут в сети, приучат к ласкам, к вниманию, а потом, когда ты уже не можешь жить без их восторгов, их восхищения, обязательно предадут, бросят на произвол судьбы. Как я не хотел встречаться с ней, с этой лживой бабенкой, попусту тратить время. Она же меня буквально силком в отношения затащила. А как она заставляла клясться в любви! „Ах, Робик, ты меня любишь? Скажи, что любишь“. И я, как последний дурак, заверял, что люблю, терпел ее издевательства! Я же ненавижу, когда меня называют Робиком. Когда Робертом и то не очень...

Но с другой стороны у нее такие красивые ноги... И круглый упругий живот... И такой милый шрамик на руке от оспы... И эти пресловутые груди...

Да-да, груди! А ее забота! Она всегда лечила меня, если я начинал хандрить. Звонила перед сном, называла своим котиком. Своим самым умненьким в мире Барсиком. А как она меня слушала! Так не умеет слушать никто. Кстати, она-то как раз и могла мне родить сына. Или дочь. Ну и что, что я был Робиком. Подумаешь, эка беда. Должна же она была как-то обращаться к любимому мужчине, раз мне дали такое дурацкое имя...

Но с другой стороны я всегда чувствовал, что женщинам доверять нельзя. Они тиранят нас до тех пор, пока мы им не сдадимся, после же теряют к нам интерес.

Так и произошло со Светланой: как только я стал шелковым, она сразу меня бросила. Кстати, почему я ее так долго терпел? Целых пять лет! Почему?

Как – почему? Уверен был, что она меня любит. Но сам-то я ее не любил. Так в чем проблема? Она ушла. Что и требовалось доказать. Я свободен! Я счастлив! И для материнства она стара. К черту! К черту эту Светлану!»

Я так решил, но сердце было не согласно. Мне было плохо, очень плохо. Единственная польза от ухода Светланы: я забыл о своем позоре, о провале на конференции. Но что толку? На

душе было невыносимо скверно: хотелось напиться и совсем уже расхотелось жить. Незаметно для себя я начал на полном серьезе обдумывать варианты ухода из жизни.

Увы, их было немного. Можно выброситься из окна – это просто, но я боюсь высоты. Можно выпустить из себя кровь. Говорят, это даже приятный способ: лег в ванну, перерезал вены и – на встречу с Господом. Но я боюсь крови. Можно застрелиться, кстати, я неплохо стреляю. Во всяком случае уж в себя не промажу, но у меня нет пистолета. Можно повеситься, но здесь совершенно не имею опыта. Как это делается? Даже не представляю. К тому же, это ненадежный способ. Слишком часто этих висельников-самоубийц из петли вынимают. Статистика настораживает. Нет, мне это не подходит. К тому же не эстетично висеть с черным вываленным языком. Да и не достойно для меня, доктора наук, уважаемого человека... Надо поискать что-нибудь поприличней.

А что тут найдешь? Все. Нет больше вариантов...

Я вдруг вспомнил студенческие годы, наши пикники в лесу, вспомнил безобидного крота, которого Заславский, почему-то испугавшись, прибил лопатой. Тогда на меня это произвело самое тягостное впечатление, но теперь я принял во внимание и этот способ отъединение души от тела и начал рассматривать как очередной вариант. Но, поразмыслив, подумал, что мне и это не подходит.

«И в самом деле, неужели придется жить? – расстроился я. – Не убивать же себя лопатой, как какого-то крота?»

За этими горькими мыслями и застала меня матушка. Она со своими подругами уже рассмотрела подарки и, судя по всему, как обычно была недовольна.

– Ну? – грозно поинтересовалась она. – Что ты тут сидишь истуканом?

– Жду тебя, ванну и кофе. Желательно в вышеупомянутой последовательности.

Словно не слыша, мать повторила вопрос, уснастив его оскорбительными деталями:

– Что ты тут сидишь истуканом? Весь в своего папочку, тот всю жизнь истуканом просидел. Даже спал сидя. Лег лишь тогда, когда его в гроб положили. Роби, слышишь меня, не сиди!

– А что я должен делать? – рассердился я. – Идти развлекать твоих гостей?

– Было бы неплохо, – мгновенно успокаиваясь, заметила мать.

– Но у меня совсем неподходящее настроение.

– У меня такое же после того, как я увидела на что ты выбросил деньги, – посетовала она, явно имея ввиду подарки. – Кстати, а у тебя-то что за горе?

– Я доверился рекламе.

Мать изумилась:

– Рекламе? Какой?

– «Сделай паузу – скушай Твикс!»

– И что?

– Пока я делал паузу, кто-то скушал мой Твикс.

Она рассердилась:

– О чем ты, Роби? Ничего не понимаю! Хватит говорить загадками!

Мне вдруг захотелось материнского тепла. И сочувствия.

– От меня ушла Светлана, – скорбно признался я.

Мать обомлела. Несколько секунд она сидела с открытым ртом, а потом схватилась за сердце и прошептала:

– Боже! Какой... подарок! Какое счастье!

– Для Светланы – возможно, а мне очень плохо.

– Глупости, – решительно возразила мать. – Теперь у тебя появился шанс стать человеком. Такую тебе невесту найду. Жанна! Жанна! – восторженно закричала она.

– Беги скорей сюда! У меня жених завелся! Мне срочно нужна твоя помощь!

Прибежала Жанна Леонидовна – старая подруга моей матери. Двадцать лет она проработала судьей, а потому имела завидные связи.

– Что? Где? Куда? – завопила она, по тону матери догадываясь, что речь идет о чем-то сногшибательном, но не понимая о чем.

Дело в том, что Жанна давно глуховата. И подслеповата. Согласитесь, качества бесценные для судьи.

Увидев Жанну, мать завопила изо-всех сил:

– Теперь мне нужна невеста! Мой сын теперь жених!

– Поздравляю, поздравляю! – обрадовалась та.

– Что – поздравляю! – рассердилась мать. – Ты мне невесту скорей подавай!

Жанна задумалась.

– Тут любая не подойдет, – озабоченно отметила она.

– Еще бы! – торжествуя, гаркнула мать. – Речь идет о моем сыне! Видишь, какой он у меня: моя гордость! Мужественный, молодой, стройный, высокий, спортивный, красивый, интеллигентный, а умница какой! Целый доктор наук! Светила!

Думаю, никто не удивится моему признанию: о себе из уст матери я услышал такое впервые и был потрясен – на какой-то миг даже забыл о своих несчастьях.

Вообще-то она права: я действительно совсем не глуп и далеко не урод. Но что заставило ее признать все эти истины после стольких лет сопротивления? Загадка.

Настроение мое слегка приподнялось, конечно, насколько позволяли обстоятельства. Мать же вдохновенно продолжила:

– Дорогая моя, знай, мой Роби не мужчина...

– Как не мужчина? – испугалась Жанна, всплескивая руками.

– Ах, что за привычка у тебя: перебивать и забегать вперед? – рассердилась мать. – Мой Роби не мужчина, а мечта любой бабы, вот что я хотела сказать. Он настоящая драгоценность! Уж я-то знаю, сама растила! Заметь, Жанна, без вредных привычек: не пьет, не курит и не храпит. И спортом, как проклятый, занимается. А какой эстет! А как преуспел в науке! Только что из Парижа, с научной конференции вернулся!

Услышав это, я опять погрузился в пучину печали. Не замечая моей пучины, мать заключила:

– Короче, перечислять его добродетели можно долго, но время поджимает. Срочно нужно невесту искать. Жанна, что в невесте самое главное?

– Что? – озадачилась та.

– В невесте главное то, чего нет в моем сыне. Они должны дополнять друг друга, как мы с моим покойным супругом – ангел был, не человек. Роби вылитый отец, следовательно жена ему нужна точь в точь как я.

Думаю, вы уже поняли, что меня охватил ужас. Однако мать этого не поняла и назидательно продолжила:

– Запомни, Жанна, повторяю специально для тебя: супруги должны друг друга дополнять. Только на этом держится брак: мой муж был молчун, а я любила поговорить, и мы прекрасно уживались. Молчать и слушать – почти одно и то же. Короче, Жанна, раз в моем сыне столько образования, красоты и ума, что хватит на двоих, так и не будем непомерных требований предъявлять к невесте. Видишь сама: у Роби есть все, даже маленький недостаток.

– Какой? – с обидой поинтересовался я.

– Отсутствие денег, – с осуждением заявила мать.

Я вспыхнул:

– Во-первых, не считаю это недостатком, а во-вторых, деньги у меня тоже есть. Во всяком случае мне хватает.

– А мне нет! – воскликнула мать и обратилась к Жанне. – Короче, невеста должна быть богата. Желательно, очень богата.

– Я тоже так считаю, – согласилась Жанна. – Будем искать. У меня уже есть на примете две кандидатуры. Одна очень богата, просто Крез, но косая.

– Что? Совсем косая? – озабочено поинтересовалась мать.

– Самую малость, – успокоила ее Жанна. – Левый глаз немного смотрит вправо.

Мать вздохнула с облегчением:

– А-аа, это ерунда, вправо – это неплохо, вот если бы наоборот: правый – налево. Терпеть не могу когда девушки смотрят налево.

Жанна возразила:

– Ну-у, девушкой ее не назовешь, разве с большим натягом. Ей лет пятьдесят, – заметив мой ужас, она поспешно добавила: – От силы сорок, а может и все тридцать пять. Я точно не знаю. Внешность бывает обманчива. Возраст лучше по паспорту определять.

Мать отрезала:

– Зачем нам паспорт? Мы не в суде. Брось свои штучки, Жанна. Женщине столько, сколько она скажет. К тому же возраст не важен. Чем старше, тем лучше: больше жизненного опыта, да и мой сын не имеет привычки тереться возле женской юбки. Он весь в науке, поэтому какая разница сколько лет жене? Она все равно его не увидит. Если у нее есть капитал, так пусть будет хоть пенсионеркой. Мне так легче тратить ее деньги.

– Почему это? – заинтересовалась Жанна.

– К зрелому возрасту женщины обзаводятся жизненной философией и становятся щедрыми. Да, моему сыну нужна молодая пенсионерка!

– Мама! – в отчаянии воскликнул я. – Ты не забыла? Я мечтаю о сыне!

– Теперь будете вдвоем мечтать, – успокоила меня мама и обратилась к подруге: – Точно, Жанна, пенсионерки, если они еще молоды и симпатичны, самые предпочтительные невесты. Они уже понимают, что не в деньгах счастье.

– Что-то ты, мамочка, этой истины до сих пор не поняла! – взорвался я.

Она в долгу не осталась и закричала:

– Я-то поняла, но речь идет о тебе. Ты совсем не берешь примера с Кристины! Кристина...

Но я уже не слушал. Очень обиделся и разозлился. Мать совсем со мной не считается. Ее не интересует мое мнение даже при выборе моей же невесты. Кого она мне тут сватает? Косая пенсионерка, похожая на нее? Что смерть в сравнении с этим кошмаром? Блаженство. Только блаженство.

Я уже хотел встать и уйти, но вдруг мать как закричит:

– Роби! Что у тебя в руках?!

– Флакон, – испуганно дернувшись, ответил я, – обычный флакон.

Я действительно все это время рассеянно крутил в руках флакон с какой-то жидкостью, но что за паника?

– Боже! – испугалась и Жанна. – У него в руках флакон! Тот флакон! Отбери сейчас же!

– Роби! Поставь флакон на стол! – решительно приказала мать.

– Да в чем дело? – рассердился я. – Флакон и флакон. Держу его в руках полчаса, не меньше, что за переполох?

– Роби, это не просто флакон! Это яд! – делая страшные глаза, сообщила мать.

Меня словно молнией пронзило:

– Яд?!?! Ах вот оно что...

Я был спасен! Вот что мне нужно! Вот чего мучительно не хватало мне все эти ужасные последние часы!

– Что за яд, мама? – осторожно поинтересовался я.

– Яд жуткий! Яд смертельный! Против него нет никакого противоядия. Тот, кто отравится – обречен. Сейчас же отправляйся в ванную и вымой руки.

Я беспрекословно отправился.

– Три раза, – донеслось мне вслед. – Вымой три раза и с мылом.

Я так и сделал. Когда вернулся в кухню, яда уже не было, но предательски подрагивала дверца шкафчика, в котором мать хранила чистящие и моющие средства. Я приступил к допросу:

– Зачем ты притащила в дом яд?

Мать усмехнулась:

– Хочу отравить соседку. Буду понемногу в кофе ей добавлять, а то повадилась ко мне по утрам шастать, просто лишила покоя.

Заметив мой серьезный взгляд, мать спохватилась:

– Шучу. Шутка. Конечно шучу.

Но я ей поверил, она может. Она может и не такое.

– Шутишь не шутишь, – сказал я, – но для чего-то ты яд в свой дом притащила.

– Для борьбы с мышами и тараканами, – заверила мать.

– У меня полно мышей и тараканов, – незамедлительно признался я.

– Ну нет, этот яд я доверить тебе не могу, он слишком концентрированный. Одной капли хватит чтобы отравить всю Москву, – заявила мать, поджимая губы, и шепотом добавила, закатывая глаза: – Такой есть только у меня. Если бы ФСБ знала...

Можно представить как захотелось мне иметь такой яд. Раз он столь ядовит, значит долго мучаться не придется – мгновенно умру. Я решил дожидаться пока мать с Жанной покинут кухню и незамедлительно яд из шкафчика умыкнуть. Но не тут-то было, мать, словно прочитав мои мысли, возмутилась:

– Ты почему сидишь?

– А что делать? – удивился я.

– Как – что? Иди домой?

– А кофе? А ванна? Ты не забыла? У меня нет воды.

Мать вздохнула и выдала скороговоркой:

– Ах, вот оно что, ну ладно, иди, купайся, устраивай из моего дома городскую баню, чего еще от тебя ждать, на что еще ты способен, на старости лет я уже ко всему готова, такое мне горе...

С этим бурчанием она удалилась. Жанна мне подмигнула и поплелась за ней. Как только остался один, сразу метнулся к шкафчику: яд оказался там. Я отправил его в карман и крикнул:

– Мама, я пошел.

– А ванна? – удивилась она.

– В другой раз, – ответил я.

– Но ты же грязный!

«Какая разница каким помирать? Грязным даже логичней – все ж ближе к земле», – подумал я, покидая квартиру матери.

– Роби, как бы там ни было, готовься к встрече с богатой невестой, – донеслось мне вслед.

«Бери пример с Кристины», – мысленно продолжил я, практически прощаясь с жизнью.

Глава 3

Первой мыслью было: принять яд сразу, тут же, в подъезде. Или в лифте.

«Но это же дом моей матери», – вдруг одумался я.

Представив ее, убивающуюся над моим телом...

Нет, не могу я нанести ей такой страшный удар. Особенно сейчас, когда Светлана (наконец) покинула меня, и жизнь матери заиграла новыми красками. Старушка полна надежд найти сыну богатую невесту, пустить меня по стопам счастливицы-Кристины...

Я нащупал в кармане флакон, однако отвага меня покинула. Я сообразил, что не смогу сделать этого на трезвую голову и тут же решил напиться. Тем более, что с утра об этом мечтал. Если бы не мать, то давно бы уже не стоял на...

Не подумайте, что я трус. Легко иду на риск и не раз подвергал свою жизнь опасности. Самым легкомысленным образом. Как делают все мужчины. Во всяком случае, большинство. Безразлично отношусь к колотым и резаным ранам – просто на них плюю, не обращаю внимания. Когда мне на ногу сверзлась гипсовая плита, даже не поморщился. Конечно раздался трехэтажный мат, что мне совсем не присуще, но это уже другое дело. Так поступил бы любой – плита весила килограммов десять, не меньше. Я не хвастаюсь. Это естественно. То, от чего женщина падает в обморок, мужчина просто не замечает...

Здесь предвижу возражения моей бывшей жены, которая частенько меня упрекала за жалобы и нытье. Ей я, конечно, перечил, но признаю ради справедливости: да, мы, мужчины, любим понуть, когда расхвораемся. Таким образом мы ищем женского тепла, ласки и сочувствия.

И снова слышу возражения своей бывшей жены. «А почему вы тогда при этом так злы и раздражительны?» – наверняка спросит она.

Мой ответ прост: потому что привыкли чувствовать себя сильными и здоровыми, в отличие от женщин, которые с рождения недомогают. С этим недомоганием они обычно и укладывают в могилу своих здоровых мужей. А все потому, что совсем мужчин не понимают. Особенно мужей. Женщинам неплохо бы знать, что душевные переживания для мужчины мучительны, а мучения непереносимы. Для мужчины самый маломальский конфликт – кратчайший путь к бутылке, будь он хоть сто раз трезвенник. Об иных не стоит и поминать.

В общем, я решил напиться и таким принять яд.

Но где это сделать? Дома? А потом умирать в одиночестве? Нет, одиночество у меня в печенке уже сидит. «Хоть умру на глазах у людей, раз жил затворником», – решил я и завернул в ближайший ресторан.

Меня совершенно не волновало то, что я за рулем. Был уверен: из ресторана меня вынесут только вперед ногами. Поэтому набирался алкоголем с легким сердцем.

Но к делу подошел по-серьезному, не стал спешить: медленно, постепенно надирался, пристально вглядываясь в прожитую жизнь. Чаще всего мой мысленный взор останавливался на последних годах, щедро украшенных Светланой.

Светлана... Нет, она, конечно, далеко не моя жена. Это такой же факт, как и тот, что моя жена далеко не та девчонка с разбитыми коленками, в которую я влюбился на школьной вечеринке и которую до сих пор люблю. Вот с кем растил бы сына... Да-да, я некоторым образом лгал. Лгал своему лучшему другу: я не люблю свою жену. То есть я ее люблю, но не так, как он думает. Точнее, вообще не ее люблю. Черт, я что-то запутался...

Неужели надрался? Рановато что-то, травиться пока не хочется: еще недостаточно жизнь свою разобрал. Что же, так ни с того ни с сего и уйти, когда Господь дал мне время для осознания всего, что я на этой земле натворил? Или не натворил, а должен был... Нет, я обязан хотя бы понять, если уже не могу исправить.

Так что там произошло с той девчонкой?

А ничего не произошло. Она сидела на диване, поджав под себя длинные тонкие ноги. Сидела и покусывала прядь волос. Своих пшеничных... Нет, золотистых волос.

Я не видел ее лица – только губы, пухлые малиновые губы. Они шевелились, обсасывая эту прядь... Я остолбенел, с ног до головы охваченный желанием. Больше всего, почему-то, заводили ее разодранные коленки.

Уж не знаю как женщины воспринимают нас, мужчин, но мы их воспринимаем только через свое желание. Даже если этого не осознаем. Ту девчонку я желал, не осознавая. Сначала. Это уж потом... Ну, сами знаете, юношеские фантазии и все такое... Девчонка-то была что надо: Мерелин Монро до нее далеко. Мерелин против нее просто болонка...

Кстати, Светлана совсем на нее не похожа. На девчонку, разумеется, а не на Мерелин. На Мерелин-то она похожа, а вот на девчонку ту – ну не капли, зато жена моя похожа и очень. Поэтому я на ней и женился. И, разумеется, ошибся. Та девчонка никогда не стала бы устраивать мне сцен по самому ничтожному поводу. Та девчонка на это просто не способна...

Между прочим, Светлана почти не устраивала мне сцен...

Черт, почему-то вспоминается о ней только хорошее, а надо бы вспомнить и плохое – сразу легче станет.

Я вспомнил и плохое, но легче не стало: рука потянулась к яду, точнее к флакону.

«Нет, – сказал я себе, – рано. Надо повспоминать еще, вдруг передумаю. Все-таки ценная штука жизнь – нельзя так безответственно с ней расставаться».

И я начал думать и пришел к выводу, что правильно сделал, заказав по дороге к матери билет на автобус – все равно опаздывал безнадежно, а тут – хоть одно полезное дело. Да-да, страдания-страданиями, а дело-делом. Завтра утром мне принесут билет, и я отправлюсь в деревню. Нет-нет, не так уж все безнадежно, совсем неплохо обстоят дела с моей теорией. На конференции была перевернута лишь первая страница, главного-то юнец не сказал, потому что не знает. Не дошел он до этого, не дошел, а я дошел, я знаю. Следовательно нет смысла мне погибать. Осиротеет наука. Надо ехать в деревню и работать, работать, работать...

Но как я могу работать, когда Светлана выбила из меня все мозги? Жить действительно не хочется!

Это потому, что я один. Веду себя не по-мужски: у меня никогда не было запасного варианта. Моя верность до добра не доведет. Уже не довела. Пора бы мне влюбиться. Светлана, при всех ее достоинствах, не такая уж и красавица. Замену ей я легко найду. Кстати, что мешает мне тут же заняться этим?

Я оглянулся по сторонам и обнаружил, что зал полон женщин. Правда, почти все они были с мужчинами, но какое это имеет значение. Мне же надо влюбиться, а не жениться.

«Пройдусь», – решил я и отправился на прогулку по залу.

Открытие меня потрясло: все женщины были уродины. Во всяком случае, образно выражаясь, моей Светлане они не доставали и до колен. И это при том, что я уже достаточно много выпил. Или пословица «не бывает некрасивых женщина, бывает мало водки» не распространяется на сорокапятилетних мужчин?

Как бы там ни было, за свой стол я вернулся абсолютно убитый. «Да-а, – подумал я, – бабы все шлюхи, а их мужики ворюги, что совсем не удивительно: приличные люди по ресторанам не ходят. Особенно в будний день и днем».

На этой трагической ноте я открыл крышку флакона и накапал пятьдесят капель в бокал с коньяком. Разум говорил, что надо жить, а сердце возражало: «Зачем?»

Слишком отвратителен мир, беспросветно будущее... Я не знал как пережить эту муку. Провал в Париже и предательство Светки – гремучая смесь.

«Нет, мне не выжить, не выжить, – подумал я, капая еще пятьдесят капель, а потом и вовсе опустошая флакон в свой бокал. – Да и к чему так страдать? Сейчас жажну и все тринтрава. Нет этого мира, нет страданий, нет меня. Красота! И черт с ней, с наукой...»

Я засунул пустой флакон в карман и решительно взял в руку бокал с отравой. Понюхал: пахнет коньяком. Впрочем, какая разница? Пить буду залпом.

Окинул последним взглядом зал: вдруг не уродины, вдруг ошибся? Да где там: у одной слишком маленькие глаза, у другой нос слишком длинный. И толстый. А что у них за фигуры! Впрочем, с фигурами может все и не так плохо, их же не видно. Вон у той, остроносенькой, очень неплохой над столом нависает бюст, многообещающий.

Ай, все равно ей далеко до моей Светланы...

Пока я размышлял, остроносенькая оттолкнула сидящего рядом с ней мужчину, вскочила и решительно направилась...

Что? Ко мне? Да нет, я ошибся. Нет-нет, она действительно идет ко мне, несмотря на грозные оклики своего гориллоподобного друга.

«Не хватало еще в конце жизненного пути по физиономии получить, – подумал я, нехотя отставляя в сторону бокал с ядом. – Представляю, как будет ликовать мать, если этот горилла мне фингал наварит. Мать сразу воскликнет: „Ничтожество, взял и с фингалом откинул коньки. Весь в своего папочку. Все люди как люди, а этот не может даже прилично умереть“. Так скажет мать. И будет права. Нет, с фингалом умирать мне негоже».

Остроносенькая тем временем подсела к моему столу и заявила:

– Как он мне надоел!

– Готов войти в ваше положение, – поспешно откликнулся я, – но будет лучше, если вы вернетесь.

– Что?!!! К нему?!!! Не бывать тому никогда!

Между тем дружок ее даром времени не терял: он бодро разминал кулаки, окидывая нас злобным и многообещающим взглядом.

«Что такое?! – мысленно возмутился я. – Эта бабенка, говоря языком ее друга, мне портит пейзаж!»

– Послушайте, – вежливо обратился к ней я, – не хочу показаться трусом, но я и ваш жених, мы явно в разных весовых категориях. В нем не меньше ста килограммов.

– Сто двадцать, – просветила меня остроносенькая.

– А во мне только восемьдесят, – холодея, признался я. – Поэтому буду вам очень признателен, если вы пересядете за какой-нибудь другой столик.

Она уничтожила меня взглядом и воскликнула:

– Как вы смеете? Другой бы на вашем месте от счастья умер, подойти я к нему.

– Именно это сделать и собираюсь, – заверил я. – Искренне хочу умереть, а вы мне мешаете. Очень вас прошу, девушка, ведь есть же здесь и другие столики.

– Вы странный, – заключила она. – Вы хоть понимаете, от чего отказываетесь?

Я покосился на кулаки ее друга и сообщил:

– Отдаю себе трезвый отчет, потому и отказываюсь.

Она растерялась и залепетала:

– Впервые такого встречаю, другой был бы счастлив...

– Охотно верю, – воскликнул я, – но вынужден придерживаться иного мнения. Возможно, вы не в моем вкусе. К тому же, находясь в самом конце жизненного пути, практически у финиша, не хотел бы получить травму черепа и синяк под глаз. Хотелось бы уйти из жизни красивым, конечно, насколько это позволили мне матушка и природа.

Из всей моей речи девица поняла лишь одно: что она не в моем вкусе.

– Что за бред? – взбесилась она. – Зачем же вы так на меня смотрели?

– Как?

Она изобразила. Мне стало плохо. Катастрофа! Неужели я так на нее смотрел? Тогда я болван, права Светлана.

– Что-то не припомню. Когда это было? – холодно поинтересовался я.

– Когда вы бродили по залу и позже, непосредственно перед тем, как я к вам подошла, – торжествуя сообщила девица.

Теперь уже взбесился я:

– Что? На вас? Смотрел? Да на кой вы нужны мне? Особенно сейчас. Поверьте, вы очень не вовремя.

Я глянул на стоящий на столе бокал, полный яда, и уже спокойно добавил:

– Может безразлично в зал и глянул в последний раз, может взглядом на вас и наткнулся, но не советую это близко к сердцу принимать. Я смотрю так на всех женщин.

Остроносенькая отшатнулась:

– Вы что, кобель?

Я безучастно пожал плечами:

– Не знаю, вряд ли...

Она разъярилась:

– Тогда вы болван! Жаль, что об этом не знаете!

– Знаю, сегодня мне это уже говорили. Да, я болван. Тем более, отправляйтесь к своему другу, пока он вас не опередил и не подвалил к нашему столику. Кажется для этого он уже достаточно размял кулаки.

Сказав такое, я сам ужаснулся:

– Господи! Кулаки? Неужели ЭТО так невинно называется? Кувалды – да, а кулаки – вряд ли.

Остроносенькая удовлетворенно хмыкнула, я же ее просветил:

– Мне совсем не хотелось бы с ним сражаться, как бы красивы вы ни были. Он такой громадный. И неловкий наверняка: еще прольет мой коньяк. Вот это будет трагедия.

Остроносенькая рассмеялась:

– Ах, вот в чем дело! Ну что ж, это легко уладить.

Она вскочила и энергично направилась к своему другу – я вздохнул с облегчением и поднял бокал. Пора! Давно пора! Пора на тот свет! Господь заждался!

Набрав побольше воздуха в легкие, я зажмурил глаза и...

И бокал оказался в руках остроносенькой. Она вернулась, резво выхватила из моей руки бокал, лихо опрокинула его в себя и пояснила:

– Для храбрости!

И убежала.

Я остолбенел.

Сначала остолбенел, а потом уронил голову на стол и заплакал.

Возможно, впервые в жизни.

Плакал я долго и горько. Напасти пошли косяком: одна за другой. Фортуна меня просто возненавидела. Позор, пережитый в Париже, жег хуже огня, предательство Светланы леденило душу, отсутствие сына разрывало сердце. За всем этим маячило унижение в образе косоной пенсионерки-невесты! И вот оно, новое поражение: я не сумел уйти из жизни. Не справился с таким несложным делом. Казалось бы, чего проще, налей яду в бокал и выпей, раз так тебе повезло: собственная мать подарила самый легкий способ забвения бед и позора. Так нет же, и здесь я опарфанился. Какая-то дурочка, свиристелка опередила меня...

Остроносенькая (легка на помине) вернулась и жизнерадостно сообщила:

– Дело сделано, он ушел, так что можете быть спокойны: лицо вам никто не набьет.

Тут она заметила, наконец, мою печаль и удивилась:

– Что с вами? Мужчина, неужели вы плачете?

От позора и обиды я замычал, а она рассмеялась:

– Нет, правда, вы плачете что ли? Не может быть! Ха-ха! Вы плачете? Плачете?

– Да! Да! – взревел я. – Плачу и буду плакать еще и еще, раз вас так это радует!

– Все не радует, – смутилась она. – А то, что хихикаю, так это нервное. Честное слово, никогда не видела плачущего мужчину.

– Поживете с мое и не такое увидите, – заверил я.

Она удивилась:

– С ваше? А сколько вам?

– Сорок пять.

Остроносенькая отшатнулась:

– Надо же, никогда бы не подумала! Сорок пять, это полный завал! Считай – одна нога в могиле!

И тут же начала меня успокаивать:

– Но не расстраивайтесь, беда, конечно, но... Кстати, давно хочу вам сказать: вы очень красивый мужчина. По таким просто плачет! Плачет Голливуд!

Я посмотрел на нее, как на врага народа, а она всплеснула руками и затараторила:

– Когда вы прошли мимо нашего столика, я обмерла и глазам своим не поверила. У вас профиль – зашибись! Вам, наверное, надоели такие признания. Нас, красивых, и хвалят, и хвалят, и хвалят, и льстят, и льстят, и льстят. Представляю сколько вы наслушались за свои сорок пять, если я, в свои двадцать восемь уже насмотрелась...

– Послушайте, – возмутился я. – Что у вас за рот?

– Рот? А что мой рот?

Она испугалась, извлекла из сумочки зеркальце и начала себя изучать, приговаривая:

– Что у меня за рот? Рот как рот.

– Это вам так кажется, – просветил я ее, – он же у вас не закрывается.

– Ну да, – согласилась она. – Как у любой нормальной женщины.

И тут же меня упрекнула:

– Уж в свои сорок пять могли бы знать. Повидали, наверное, на своем полувеку.

И она игриво подмигнула. Захотелось ее побить, но я сдержался. Остроносенькая же нахмурилась и спросила:

– Почему вы так нелюбезны?

Меня прорвало:

– Потому что у меня одни неприятности от вас. Зачем вам понадобилось пить коньяк? Он же был для меня предназначен. Что мне делать? Не знаю теперь! Где еще я найду себе яду? Так все удачно складывалось, так мне повезло, этот флакон появился в моей жизни фантастически вовремя, словно по заказу. Моя мать... Все же она молодчина! Она меня породила, она же меня и...

Остроносенькая слушала с большим интересом, но в этом месте перебила:

– Я вас не понимаю. Совсем. Вы говорите загадками. Не могли бы выразаться ясней?

– Ясней? – вспылил я. – Куда уж ясней. Бокал пустой видите?

– Вижу, – кивнула она.

– Знаете что там было?

– Коньяк.

– А какой коньяк, знаете?

– Знаю, неплохой. Там был очень неплохой коньяк, – заверила она.

– Ха! Вот она, ваша ветреность! Одним махом выдули! Где я теперь такой возьму?

– О, боже, да здесь же и возьмете, – воскликнула она, утомленно закатывая глаза. – Не надо делать трагедию. Если хотите, сама вам куплю.

Я схватился за голову:

– Вы, девушка, не догадываетесь, как бесовестно поступили со мной: отняли у меня то, что достать не так просто. А мне это нужно позарез!

Остроносенькая разволновалась:

– Ничего не понимаю, что вы так разошлись, ведь там был всего лишь коньяк...

– Да-а, – завопил я, – там был коньяк! И не он один! Не хотел вас огорчать, но вынужден сообщить: вы без спросу выпили мой последний флакон, единственный...

И тут до меня дошло: она же отравилась! Только что отравилась! Вместо меня!

Катастрофа!

Глава 4

– Катастрофа! – завопил я, вскакивая со своего места.

– Да-да, – озабочено согласилась остроносенькая, тоже поднимаясь из-за стола и глядя куда-то поверх моей головы глазами, наполненными ужасом. – Именно так: катастрофа! Видите? Он вернулся и не один. Ничего, не бойтесь, он просто хочет, чтобы я отдала ключи, а дружки с ним для понта, для страха. Хочет ужаса на нас напустить. Ничего, я все улажу. Я сейчас. Я быстро.

И она унеслась с немислимой скоростью.

– Постойте, – закричал я, – постойте! Вам нужно срочно к врачу! Вас еще можно спасти! Наверное...

Но она не слушала, быстро удаляясь. Естественно, я погнался за ней, но официант решительно преградил мне дорогу:

– Прошу вас немедленно заплатить.

Я воскликнул: «Мне некогда!», – собираясь его оттолкнуть и догнать девицу, но не успел: руки мои уже безжалостно крутили.

– Заплачу! Заплачу! – мгновенно согласился я и вынужден был вернуться к столу.

Там вступил в объяснения с администратором ресторана. Он настойчиво подозревал меня в воровстве и мошенничестве, требовал паспорт и убеждал, что за это надо платить втрое, я же настаивал на своей порядочности, осторожно намекая, что воры и мошенники как раз он и его хозяин – цены меню тому подтверждение. В конце концов вмешалась охрана и предъявила неопровержимые доказательства моей вины: свои кулаки. Я вынужден был показать им и паспорт, и свои права. И платить согласился...

Когда было уплачено по счету и сверх него, я вздохнул с облегчением и собрался отправиться в погоню за остроносенькой, но в этот момент зазвонил мой сотовый.

Он так редко звонит, что я даже не сразу понял – официант мне подсказал:

– Кажется, это из вашего кармана.

– Это копейки пищат, – ядовито заметил я, – плачут по тем купюрам, которые вы из меня вытряхнули.

С этими словами я прижал трубку к уху и рот мой раскрылся сам собою. И было от чего: гнусный, с противной блатнецей голос снова изрек:

– Ну ты попал, козлина! Ну ты попал!

– Простите, не понял, – начал было я, но в трубке раздались гудки.

Я растерянно уставился на официанта.

– Похоже, это не ваш день, – сказал он, сочувственно пожимая плечами.

Видимо, все мои неприятности отразились на моем лице. Думаю, выглядел я достаточно жалко, раз даже официант, этот бандит с большой дороги, меня пожалел. От таких, как я, камни стонут: еще со старыми неприятностями не успел разобраться, а уже новые назревают. Интересно, почему я козлина и куда я попал? Или на что?

Так, кажется, принято выражаться в наши дни.

Однако ломать голову над абстрактными проблемами было некогда, надо было остроносенькую спасать. Я вылетел из ресторана – она стояла на другой стороне улицы и, оживленно жестикулируя, беседовала со своим горилоподобным другом, за спиной которого маячили гиганты еще похлеще. Один из них столбенел и держал в руках мобильный, видимо собираясь отправить его во внутренний карман пиджака. Судя по всему, остроносенькая сообщила нечто ошеломительное, раз так застыл тот, с мобильным.

Одержимый желанием спасти несчастную, я, не раздумывая, бросился под колеса первого попавшегося автомобиля. Это был «Мерседес».

– Куда прешь, козлина! – раздалось, заглушая визг тормозов.

– Простите, – воскликнул я, – очень спешу!

– А-аа, вот оно что. Тогда помогу.

Мне в лоб нацелилось дуло пистолета.

– Что вы делаете? – ужаснулся я.

– Ты же спешишь, – пояснил владелец «Мерседеса», – так будет быстрее. И верней. Колеса – штука ненадежная, а, как я понял, Господь уже ждет.

Он заржал и, довольный своей шуткой, сорвал с места автомобиль. Я глянул на другую сторону улицы и подумал: «Как-то подозрительно оттопыриваются карманы у этих головорезов, дружков остроносенькой. Нет ли у них оружия?»

Мне расхотелось туда идти, но все еще хотелось спасти остроносенькую. Я вернулся в ресторан и обратился к администратору:

– Раз уж я вам трижды заплатил по одному и тому же счету, не могли бы и вы оказать мне любезность?

– В чем дело? – сухо поинтересовался тот.

– Очень хотел бы поговорить с той девушкой, – я кивнул на остроносенькую, которую через стекло ресторана было неплохо видно, – но, боюсь, ее друзьям это не понравится.

Администратор кивнул:

– Нет ничего проще.

Он набрал какой-то номер и почти мгновенно на той стороне улицы остроносенькая извлекла из сумки телефон и прижала его к уху.

– Говорите, – администратор быстро протянул мне трубку.

Я услышал ее голос:

– Але! Але! Кто это?

– Остроносе... Ой, простите, не знаю вашего имени, но мне срочно нужно с вами увидеться. Дело первостепенной важности. Безотлагательно жду вас там же.

Она изумилась:

– Кто это? Кто?

– Это тот сорокапятiletний мужчина, чей коньяк вы так беспардонно выдули каких-нибудь десять минут назад. Ну может чуть раньше... или позже...

Я задумался, подсчитывая.

– А-ааа! – обрадовалась остроносенькая. – Люська! Люська! Что ты говоришь, моя прелесть? Боже, как я рада! Не слышала тебя сто лет!

– Возможно, – ответил я, – если у вас секунда идет за год. Впрочем, так оно и есть – время работает не на вас, время ваш враг. Умоляю! – в этом месте я вскрикнул. – Умоляю вас, срочно сверните разговор со своими друзьями и поспешите ко мне, я все еще здесь, в ресторане, иначе быть беде.

– Люсенька, – затараторила остроносенькая, – так срочно я не могу, у меня неприятности: мой любимый на меня наезжает. Ну как обычно, он не прав, а я виновата. А почему бы и нет: он большой, он мужчина, у него кулаки – а что у меня? Одна глупость. Значит можно меня угнетать...

– Послушайте, – раздраженно прервал я эту дурочку, – ведете себя глупо. Конечно понимаю, пользуясь случаем, вы решили устыдить вашего гориллу. Возможно вы правы, сам не стал бы внедряться в воспитательный процесс, но тогда выйдет так, что этот горилла вам уже не понадобится...

– Почему? – со смешком удивилась остроносенькая.

– Потому что вас у него не будет. Сейчас же идите ко мне, подробнее объясню при встрече, и вы сразу со мной согласитесь.

– Люся-яя, ты меня интригуешь, – игриво пропела она и серьезно добавила: – Буду в кратчайшие сроки.

И не обманула: что-то очень быстро растолковав своему горилле, она чмокнула его в щеку, в другую и, перепорхнув через дорогу, влетела в холл ресторана.

– Что вы ему сказали? – на всякий случай поинтересовался я, с удовлетворением отмечая, что горилла и его друзья спокойненько направляются к навороченному джипу.

– Сказала, что Люська мне предлагает отпадные джинсы.

– И он вас отпустил по такой ничтожной причине? – не поверил я. – Вы же ругались. Он же проходу вам не давал, ревновал. И теперь вы хотите меня убедить, что он отпустил вас? Из-за такой ерунды?

– Сразу отпустил, потому что знает: я не переживу, если джинсы достанутся Аське. И он не переживет, – заверила остроносенькая, энергично увлекая меня в недра ресторана.

И в этот момент меня словно молнией поразило: я услышал голос матушки. «Яд жуткий! Яд смертельный! Против него нет никакого противоядия, – сказала она. – Тот, кто отравится – обречен».

– Так что же это выходит? – в отчаянии воскликнул я. – Вас совершенно нельзя спасти? Катастрофа! Как я забыл? Как я забыл?

Девушка насторожилась:

– О чем вы? От чего вы собрались меня спасать?

– Так, ерунда, можете считать, что это шутка, – с напускным равнодушием отмахнулся я, а у самого мысли как челноки засновали: туда – сюда, туда – сюда.

С секунды на минуту эта несчастная богу душу начнет отдавать: мне вдруг захотелось, чтобы произошло это в моем доме.

Я, наверное, очень плохой человек, но выбора у меня не было. Девушку, конечно же, жаль, но она сама эту участь выбрала – никто ее не заставлял...

Так что же мне теперь делать? Не за решетку же из-за нее отправляться. Там мне вряд ли удастся уйти из жизни с достоинством. Учитывая строгости содержания, вообще не удастся...

И что тогда получится, если вспомнить о моих намерениях?

Приговорят меня из-за этой чокнутой к десяти или двадцати годам жизни?

Десять или двадцать лет жизнь эту мерзкую терпеть?!

Даже в мыслях это не-вы-но-си-мо!!!

Между прочим, могу и пожизненное схлопотать, кто знает, сколько дают за отравление дурочек – здесь я совсем несведущ. И это в то время, когда так нетерпится богу душу отдать. Да и что это за девушка? Урод да и только. Родит еще таких же страшных и глупых детей – какая от них государству польза?

Нет, я не изверг, девушку, конечно, жаль, но что поделаешь? Я не виноват. Ни в чем не виноват: ни в том, что она яд мой выдула, ни в том, что это толпа свидетелей видела – ее горилла глаз с нас не спускал. А уж в том, что администратор тщательно изучил и мои права и даже паспорт вовсе нет моей вины. Если сейчас остроносенькая начнет помирать, я пропал. А вот если довезу ее до моего дома, да дам ей спокойно отойти в мир иной в моей постели, то шанс еще есть. Ночи дождусь и устрою ей, к примеру, утопление. Она же поругалась со своим гориллой, так почему не может утопиться с горя?

В общем, выбора у меня не было: надо было поскорей увозить ее с глаз людских долой.

– Кстати, – заволновался я, – а почему это ваш горилла не удивился тому, что, направляясь к Люсе, вы вернулись в ресторан?

– Я же забыла там сумочку, – глядя на меня своими огромными наивными глазами, сообщила остроносенькая. – Сумочку от Кардена.

– А что же вы тогда держите в руках? – поразился я.

Она лукаво усмехнулась:

– Не все же так наблюдательны, как вы. Сразу чувствуется, что вы умны и даже мудры, не то, что мой Вован бестолковый.

– Ах, он Вован, ваш горилла, – прозрел я, машинально отмечая, что не такая уж она остроносенькая и глупая, как мне казалось. Вполне симпатичная и разумная девушка. Черт, как жаль, что ей придется умирать!

– Между прочим, он это почувствовал – никогда меня так не ревновал, а тут ну просто взбесился! – сообщила она.

Я насторожился и, холодея, спросил:

– Что? Что он почувствовал?

Кокетничая, она призналась:

– Ну то, что вы мне понравились. Вообще-то он знает, что я балдею от красивых мужчин. Всегда напрягается, если видит рядом такого.

Я растерялся:

– Что-то не пойму, вы о ком? О ком говорите?

– Да о вас, о вас.

– Вы действительно находите меня красивым?

– Даже слишком. Для мужчины чрезмерно, поэтому так и расвирипел мой бедный Вован. Чувствует мою слабость. Знаете, у одного смазливо лицо, у другого длинные ноги, у третьего какая-то необычайная стать, у четвертого в движениях завораживающая раскованность: не идет, а несет себя, небрежно, самоуверенно... Короче, в каждом свои навороты, так вот у вас есть сразу все. Глянешь со стороны: супермен, а не просто мужчина. Как тут не обалдеть?! – спросила она, после чего обалдел как раз я.

Нет, я знал, что совсем не урод, но за свои сорок пять ни разу не слышал в свой адрес таких дифирамбов. Вообще никаких не слышал, если не считать того бреда, который сегодня несла моя матушка в пароксизме желаний женить меня на пенсионерке.

Чувствовал, как в душу закрадываются сомнения. Уж не издевается ли она? Уж не насмеяется ли? Кстати, что она мелет? Как мог приревновать ко мне ее горилла-Вован, когда против него я старик: мне сорок пять, а он едва ли не вдвое моложе? Нет, она глумится надо мной!

– Послушайте, – рявкнул я, – мне сорок пять, разве вашему Вовану этого не видно?

Она усмехнулась:

– И не ему одному. Никому не видно. Гилям Шоломович! – вдруг крикнула она администратору, кивая на меня. – Как думаете, сколько лет этому мужчине?

И администратор с пристальным взглядом предположил:

– Лет тридцать пять, не больше.

И это при том, что он видел мой паспорт!

Я был потрясен.

– Видите как вы, оказывается, молоды. Выходит, всего на три года вас младше Вован, – рассмеялась остроносенькая.

Черт! Какая она остроносенькая? Что за слово дурное привязалось ко мне? Просто стыд: чушь какую порю! Где были мои глаза – сам удивляюсь. Да она же красавица! И почти влюблена в меня! Бедный Вован! Как я его понимаю!

– А как вас зовут? – спросил я, любясь ее тонким изящным носом и пухлыми розовыми губами, очень удачно расположенными под ним.

– Лидия, – смущаясь, ответила она. Видимо было нечто чертовское в моем взгляде.

– Лидия? Очень красивое имя. И редкое.

Она удивилась:

– Неужели?

– Поверьте моему опыту, – сказал я, отводя ее подальше от ушей администратора и многозначительно лаская глазами.

- Вашему опыту? Надеюсь, он у вас большой? – чувственно прошептала она.
- Никто не жаловался, – ответил я с придыханием.

И ужаснулся своей глупости, и выругался в душе самыми последними словами. Это надо же быть такому дураку: до сорока пяти лет дожил, но так и не научился соблазнять красивых женщин. Никаких не научился.

Однако, деваться мне было некуда: время сильно поджимало, поэтому я сразу предложил:

- Может поедem ко мне?

Лидия удивилась:

- Как? Прямо сейчас?

- А к чему проволочки? – отчаянно изображая плейбоя, ляпнул я.

Лидия призадумалась. Судя по всему, предложение показалось ей заманчивым, но были проблемы.

– Нет, – с горестным вздохом отказала она, – прямо сейчас не могу. Придурок-Вован ждет меня в казино. Я ему обещала быть там через час.

- Через час? – обрадовался я. – Мы успеем! Я живу совсем рядом!

Лидия рассердилась:

- Успеем? Что?

Я смутился:

- Простите, веду себя, как болван.

Она смягчилась:

– Не ругайте себя. Сама знаю, что такое настоящая страсть. Ваше поведение прощительно, но, к сожалению, я действительно не могу. Вован убьет меня, если узнает, что я уехала с вами. Понимаете, – переходя на шепот, сообщила она, – за нами возможна слежка.

По моей спине прошелся мороз. Только слезки мне не хватало. И что теперь делать? А-а, была не была, я решил идти ва-банк.

– Тогда пройдемте в мою машину, – инфернальным тоном попросил я. – У меня для вас архиважная новость.

- Говорите здесь, – возразила она.

– Нет, будет лучше, если вы перед этим присядете, – заверил я и решительно потащил ее к своему автомобилю.

Она упиралась, но не слишком энергично, поэтому минуту спустя мы оба оказались на передних сидениях моего «Вольво». Как только двери закрылись, я повернул ключ в замке зажигания и категорично выжал сцепление.

- Что происходит? – закричала она. – Вы меня похищаете?

- Вынужден это сделать, – искренне сожалея, сознался я.

- Ах вот как! Но это непросто!

И Лидия произвела попытку открыть дверь, но автоматика в моей машине работала исправно.

- Не надо глупостей, – воскликнул я. – Сегодня вы их немало сделали.

- Вы что, маньяк? – закричала она.

Должен отметить, она была в панике. Я сжалился над бедняжкой и сказал правду:

- Я честный и добрый человек, но, увы, напоил вас ядом. Вы обречены.

Глава 5

Мое сообщение не произвело на Лидию должного впечатления.

– Что за чушь? – рассердилась она. – Ничем вы меня не поили. И сейчас же остановите машину, в противном случае разобью стекло...

Она внезапно осеклась и радостно хлопнула себя по лбу:

– Ха! Вот я дура! У меня же есть газовый пистолет!

И Лидия полезла в сумочку. Я резко затормозил, с укоризной взглянул на нее и сказал:

– Вам бы сейчас о душе молиться, а не баловать с оружием. Я не шучу, в моем бокале был яд. Страшный яд.

Она усмехнулась:

– Почему же я до сих пор жива?

Я пожал плечами:

– Яды разные бывают: от одних погибают сей же момент, от других...

– Через сто лет, – закончила она за меня и рассмеялась.

– Напрасно хохочете. Яд концентрированный, им можно отравить всю Москву. Сам удивлен, что он так долго действует, но наука шагнула далеко... Вы и не представляете, что эти химики могут придумать. А если принять во внимание мою теорию, то и вовсе страшно становится. Коль я до такого додумался, то чем же химики хуже? Так что, дорогая, мне не до шуток.

Честное слово, думал, что вот теперь-то Лидия начнет волосы рвать на себе, она же лениво поинтересовалась:

– Вы что, ученый?

– Да, профессор и теоретик, доктор наук. Три месяца в году читаю лекции в Оксфорде, остальное время посвящаю своей теории.

– Я вам не верю, – заявила она.

– Не верите, что я профессор или что я теоретик?

– Да нет, что в бокале был яд. Зачем вам, такому, травиться?

– Какому «такому»?

– Благополучному.

Я снисходительно посмотрел на нее:

– Откуда ты знаешь, девочка, о моих бедах. Причины у меня веские, уж поверь.

Лидия тряхнула челкой и заявила:

– А я не верю!

– Ах, не веришь! Не веришь! – воскликнул я и, горячась, достал из кармана пустой флакон. – Вот! Вот, – потрясая флаконом, вопил я, – не веришь? Не веришь, а здесь был яд, а теперь, видишь, видишь, пусто...

Это смешно. К столько слабому и неубедительному аргументу я прибегаю от отчаяния, однако подействовал на Лидию именно он. В глазах ее появился испуг.

– Так это правда? Правда? – залепетала она и залилась слезами. – О, боже! Боже!!! Как вы жестоки! За что? За что вы меня отравили?

– Случайно. Мне очень жаль, – оправдывался я, но в конце концов разозлился и закричал:

– Никто тебя, девочка, не просил хватать мой бокал! Сплошные у меня от тебя неприятности! Думаешь, счастье большое тебя тут катать?

– Но мы же никуда не едем, – всхлипывая напомнила она.

– Потому что ты угрожаешь, тратишь зря драгоценное время.

В глазах ее появилась надежда:

– Куда вы меня везли?

Я смутился и, пряча черные мысли, солгал:

– Вез вас спасать. В моем доме есть противоядие...

Лидия ахнула и закричала:

– Так почему мы стоим?! Скорей везите меня туда! Скорей! Скорей! Умоляю!

* * *

Несмотря на то, что я действительно жил совсем близко, Лидия все же успела мне запахать мозги. В подъезд я влетел, как угорелый, волоча ее за собой, – совсем забыл, что надо было для конспирации сначала подняться в квартиру самому, а потом незаметно впустить Лидию. Зачем соседям знать кто у меня в гостях.

Просто чудо, что мы никого не встретили.

Едва мы вошли в квартиру, как Лидия завывала о своей загубленной жизни.

– О, как я несчастна! Как мне не везет! – причитала она.

Я ее попросил:

– Пожалуйста, кричи потише. Соседи могут услышать тебя.

– И что за диво? – изумилась она.

– В моей квартире почти не бывает женщин, а те, которые бывают, не кричат. Соседи подумают черт-те что.

Лидия отмахнулась:

– Да ну, все правильно они подумают.

Я метнулся к холодильнику (там у меня хранятся лекарства), извлек с полки пузырек корвалола и все содержимое вылил в бокал, добавил туда настойки пустырника, валериановых капель, подумав, плеснул полбутылки касторки. Для убедительности. И кое-чего еще, может просто воды, может соку или растительного масла.

Когда поднес Лидии эту жуткую смесь, она отшатнулась:

– Что это?

– Противоядие. Пейте быстрее.

Она понюхала и, глядя с подозрением, спросила:

– А почему оно пахнет корвалолом?

– По качану! – рассердился я. – Откуда мне знать, что тут фармацевты нахимичили? Пейте скорей, дорога каждая секунда!

Лидия испуганно тряхнула челкой, зажмурилась, брезгливо зажала нос и залпом опорожнила трехсотграммовый бокал. Я был восхищен: сам бы под расстрелом эту гадость не выпил бы.

А Лидия выпила и прилегла на диван помирать.

– Ох, – стонала она, выворачивая наизнанку мне душу, – что-то плохо, совсем плохо, видит бог, все хуже и хуже.

– Девочка моя, потерпи, скоро противоядие начнет действовать, – уговаривал я ее, нервно поглядывая на часы и отмечая, что теперь-то бедняжка скоро умрет: двести граммов касторки, плюс болтушка из карвалола, валидола и пустырника и т. д. и т. п. – это что-то! Я бы точно не выжил...

Однако, умирала Лидия как-то настораживающе долго. Я отнес ее в спальню и рискнул позвонить матери.

– Мама, я насчет яда. Ты не в курсе, он быстродействующий?

Мать поняла меня с полуслова.

– Как раз нет, – охотно пояснила она, – в том-то и дело, что первое время не действует совсем. Как бы не действует, а сам тайно ведет свою разрушительную работу.

Я в панике бросил трубку и помчался в спальню смотреть на Лидию. Она лежала на моей кровати, свернувшись калачиком и держась за живот.

«Бедная девушка, – горестно подумал я, – такая свежая, такая красивая, а внутри нее уже идет разрушительная работа. Катастрофа!»

Лидия заметила меня и сказала:

– Мне кажется, я умру.

Я рассердился:

– Глупости. Ты будешь жить, ты молода и красива.

– Нет-нет, – покачала головой она. – Противоядие не работает. После него мне стало еще хуже.

Вдруг она приподнялась и спросила:

– Вы правда считаете меня красивой?

Я хотел ей ответить, но запищал телефон. Звонили из агентства.

– Билеты заказывали? – спросил механический (то ли женский, то ли мужской) голос.

– Да, да, – заверил я.

– Один билет на автобус?

– Да, один билет на автобус.

– Все. Ждите. Завтра вам принесут.

И голос исчез, вместо него раздались гудки.

Лидия, а она, приподнявшись на локтях, напряженно вслушивалась в разговор, сразу откинулась на подушку и спросила:

– Зачем вам автобус? Вы же хотели умереть?

– Это я позже захотел, после того, как заказал билеты, понимаете, – начал оправдываться я, но она меня оборвала:

– Да ладно, какая теперь разница. Я умираю. Вместо вас.

Схватившись за голову, я нервно забегал по комнате, приговаривая:

– Как глупо, как глупо все получилось...

Лидия попросила:

– Не надо, не корите себя. Это судьба. Кому суждено утонуть, тот не сгорит. Значит пришла моя пора, а не ваша. Лучше присядьте на кровать, ко мне поближе.

Я присел и погладил ее по волосам. Она остановила мою руку и спросила:

– Как вас зовут? Мы до сих пор не познакомились.

– Почему же, я знаю как вас зовут, а меня зовут Роберт.

– Вас зовут Роберт? – удивилась она.

– Да, меня мама так назвала.

– В честь Роберта Рождественского?

Я пожал плечами:

– Не знаю. Никогда ее об этом не спрашивал.

– Почему?

– Мама не терпит, когда ее перебивают.

Лидия вздохнула:

– Да, все женщины любят поговорить, но это не всегда плохо.

– Согласен, – кивнул я.

– А зачем вам автобус? – спросила она.

– Хотел уехать в деревню.

– В деревню? Зачем?

– Работать, – ответил я, собираясь этим и ограничиться, но вдруг меня понесло.

Все, накопленное в душе годами, выплеснулось вдруг на эту бедную, умирающую девушку. Уже позже я понял, что так откровенно можно разговаривать только с человеком, не собирающимся задерживаться на этом свете. Я рассказал ей про все: и про свое одиночество, и про то, как оглушающе тихо и убийственно тоскливо в моей квартире, где годами не бывает

людей. Пожаловался на друзей: они слишком редко ко мне заглядывают. Пожаловался на ту рыжую девчонку, которая испортила мне жизнь: видеть ее в своих снах, а потом бесконечно искать в других женщинах – еще то испытание. Пожаловался на работу: теоретики и философы обречены на затворничество. Они дичают, месяцами не видят людей, если, конечно, крепко работают. Поеду в деревню, там буду не один: там будут петь мне птицы... И там не будет Светланы, исчезнет соблазн ей позвонить...

Короче, когда мой крик души коснулся заветного: желания иметь сына, Лидия притянула меня к себе и прошептала:

– Вы романтик.

– Видимо, да.

– Как жалко, что я не мужчина.

Я опешил:

– Почему?

– У меня был бы шанс что-то оставить после себя, например маленького человечка.

– По той же самой причине всегда завидовал женщинам, – признался я. – Женщина независима, она сама может родить себе ребенка, ей плевать на мужчину. Мужчина этого не может. У него очень мало прав, здесь он целиком зависим от женщины.

– Многие не жалеют об этом, – заметила Лидия.

– Но я страдаю. Я хочу ребенка, но не уверен, хочу ли жену. Моей женой должна быть только та девчонка с коленками, другой я не вынесу. А ее нет. Поэтому хочу жить холостяком и растить ребенка. Любая женщина может себе это позволить...

– Роберт, ты чудный, чудный человек, – восхищенно прошептала Лидия, медленно расстегивая пуговицы на моей рубашке.

«Что она делает? – столбенея, подумал я. – И как мне себя вести? У нас почти двадцать лет разница...»

И тут меня словно током пронзило: «Черт, девушка умирает! Это же у нее в последний раз, так о чем же я, болван, думаю?»

Руки мои засновали по ее тонкому гибкому телу, отшвыривая в сторону то жилетик, то блузку, то маечку, то...

В ладонь упала ее тяжелая грудь – горячая волна окатила мое тело. А руки засновали еще быстрее: как много на женщинах одежды... И все на каких-то крючках, кнопочках...

Это было сумасшествие, по-звериному страстное и головокружительное, сладкое, казалось, самое сладкое в моей жизни...

Впервые я занимался любовью с совсем незнакомой женщиной. И впервые мне было так хорошо. А может и не впервые, и то и другое: чего не бывает в юности? Разве все упомнишь?

Но дело не в том. Испытывая острое наслаждение и вслед за ним ощущение бесконечного счастья, я тут же почувствовал невыносимую душевную боль: она умрет!

Скоро! Совсем скоро!

Я могу жить, жениться, потрясать мир своими открытиями, рожать и воспитывать детей...

Черт возьми, я могу родить сына!

Кроме блажи мне ничто не мешает, а она умрет! Умрет из-за меня, из-за моей слабости, глупости...

О, как я себя ругал.

Еще одна беда на меня свалилась.

Сколько их предстоит пережить за этот день?

Глава 6

Я долго лежал, цепенея, пока она не убрала с моего плеча свою голову. Убрала, откинулась на подушку и простонала:

– А теперь и умереть не страшно.

Это было последней каплей. Я чмокнул ее в щеку, шепнул «скоро вернусь» и вылетел из спальни. Одной рукой накидывая на ходу махровый банный халат, другой схватил трубку радиотелефона, торопливо набрал номер матери и спросил:

– Как долго ведет свою разрушительную работу этот твой яд?

Мать, не задумываясь, выпалила:

– Пока ядодонитель не заразит всех мышей или тараканов.

Я оторопел:

– При чем здесь мыши и тараканы?

– Ну как же, – поразилась мать, – они же мне надоели, сволочи. Лезут со всех щелей и особенно от соседей.

– Мама, я говорю про яд!

– И я про то же. Потравить бы их всех разом: и тараканов, и мышей, и соседей, чтобы не мешали мне жить. Но (какая беда!) ограничусь мышами. И тараканами. Соседей придется исключить. Из гуманизма к человечеству. А жаль.

Кто знает мою мамулю, тот понимает как далека она от проблем гуманизма. Видимо, понимая, что в голове моей назрел протест, мать пояснила:

– Понимаешь, Роби, это последнее изобретение науки. Яд со страшной силой влияет на генную структуру всех белковых образований.

– И как он влияет? – спросил я, заподозрив неладное.

– Лишает их этой, как ее... – Она растерялась: – Надо же, забыла...

– Репродукции? – покрываясь гусиной кожей, подсказал я.

– Точно, репродукции! – возликовала мать. – Представляешь, тот, который отравлен, не сразу умирает, а как можно больше заражает своих соплеменников, но те не умирают, а становятся стерильны. Фантастика! – непонятной радостью обрадовалась она. – Просто чудо: толпа мышей и тараканов вмиг научилась плодиться.

Коротают свой век бездетными, а живут они недолго, я уже узнала. Мыши – три года, тараканы и того меньше. Так что скоро лишу способности размножаться всю живность в нашем районе!

«Но почему же ты начала именно с меня, своего сына?» – мысленно возопил я, нажимая на кнопку отбоя и бросая трубку на диван.

Непередаваемая боль разрывала грудь: мечтам о сыне конец! Не будет у меня ребенка! Я стерилен! Уже стерилен!

Катастрофа! Опять катастрофа! Сколько еще раз сегодня придется мне повторить это слово?

Я устремился в спальню. Нежности к Лидии как не бывало: душа – выжженная пустыня...

В ярости распахнул дверь и остановился. Замер. Окаменел.

Она лежала в неудобной позе: левая нога неестественно вывернута, рука заломлена за спину. Умерла!

Но перед этим успела... Да, сына не будет у меня.

Я метнулся к кровати, в нерешительности остановился и позвал (почему-то шепотом):

– Ли-да.

Она молчала. И не дышала. Я схватил ее руку: пульса не было. Склонился к груди – сердце не стучало. Умерла! Тогда я (счастливый) еще не знал, что это только цветочки – ягодки были впереди.

«Та-ак, – прошептал я, – в моей квартире труп, а былой решимости как не бывало. Что же делать? Что мне делать теперь?»

И в этот неподходящий момент раздался звонок в дверь. Я заметался: открывать или не открывать? Решил не открывать, но звонили настойчиво. Я решил одеться, вернулся в спальню, но обнаружил, что рубашка и брюки валяются на кровати, частично на них лежит покойница. Что-то помешало мне к ней подойти и выдернуть свою одежду. К тому же рубашка и брюки безнадежно помяты.

Я плотно прикрыл дверь спальни и отправился в прихожую прямо в банном халате.

– Кто там? – сердито спросил, напряженно всматриваясь в глазок.

– Это я, твоя сестра.

На пороге действительно стояла Кристина. Она, как всегда, была дорого и безупречно одета – такая благоухающая фарфоровая статуэтка, безжизненно аккуратная. Все в ней комильфо, все согласно приличиям. На костюме ни пятнышка, ни складочки. Туфли блестят. Прическа: волосок к волоску. И лицо – посмертная маска Тутанхамона, гладкая и любезная. Уверен, час назад Кристина приняла душ, обновила косметику и поменяла прокладку – так готовится к встрече с Господом.

Я открыл дверь и отступил, нехотя пропуская сестру в прихожую, она же входит не спешила. Прижимая полусогнутой рукой к груди сумочку (долларов пятьсот, не меньше), она с легким оттенком брезгливости рассматривала мои волосатые ноги, беспомощно торчащие из-под халата.

Голову на отсечение дать готов: ей сразу захотелось их побрить какой-нибудь разрекламированной дрянью – дорогой и неэффективной.

– Я не вовремя? – наконец спросила она.

«Ты всегда не вовремя», – зло подумал я и нежно ответил:

– Ну что ты, малышка, очень рад тебя видеть.

Лишь после этого Кристина вошла, рыская взглядом по углам в поисках достойного места для своей бесценной сумочки.

– Давай в свой сейф положу, – предложил я, с ужасом отмечая, что Кристина надолго. В противном случае сумочка осталась бы торчать у нее подмышкой.

– Да-да, положи, – согласилась она, протягивая мне и сумочку и щеку для поцелуя.

Как только я ее чмокнул, гладкое фарфоровое лицо начало складываться в отвратительную плаксивую гримасу.

– Ах, Роби! – простонала Кристина, отталкивая меня и решительно проходя в гостиную.

Я уныло поплелся за ней, готовясь бездарно отдать младшей сестрице дюжий кусок своего драгоценного времени. Еще не известно сколько его вообще у меня осталось.

Словно подслушав мои мысли, Кристина истерично взвизгнула:

– Ах, Роби! Я жить не хочу!

Жалея, что поздно узнал об этом, я холодно поинтересовался:

– Надеюсь, у тебя есть веские причины?

Она заломила руки:

– Роби! Я ушла от него! От этого деспота, жмота, кобеля и тирана! Я наконец от него ушла!

Предчувствуя для себя новые травмы и не скрывая ужаса, я осведомился:

– Неужели ко мне?

Она мгновенно прекратила истерику и, грозно сверкая взглядом, рявкнула:

– А куда мне еще уходить?

– При всех твоих квартирах, домах и виллах, очень странный вопрос, согласишься. Но Кристина была не согласна. Ее глаза метнули парочку молний, а рот выплюнул:

– Ты что, не понимаешь: Макс бросил меня!

Это называется «я ушла от него!».

Катастрофа!

Я где стоял, там и сел: слава богу подо мной оказалось кресло. Кристина пристроилась на диване напротив и начала реветь. Я смотрел с жалостью и отвращением.

Мужчина на женский рев только так и может смотреть. Видеть как исчезает лицо, как брови, глаза, щеки и губы смешиваются в одну грязную бесполоую массу – невыносимо. В конце концов я не выдержал и, отворачиваясь, спросил:

– И что теперь будет? Как ты теперь собираешься жить?

Всхлипывая, она пожала плечами, но ответила вполне рассудительно:

– Слава богу, в нашей семье есть мужчина, вот ты и думай. Теперь только ты несешь за нас с мамой ответственность. Макс умыл руки.

Язык мой прилип к небу, но не успел я оправиться от одного удара, как последовал новый.

– Роби, я напилась снотворного и хочу спать, проводи меня в спальню, – заявила Кристина, поднимаясь с дивана и сбрасывая на ходу туфли.

Боюсь, мое «нет!!!!!!» прозвучало слишком неистово – Кристина дернулась, словно ее шибануло током, тысяча вольт, не меньше.

– П-почему «нет»? – заикаясь, спросила она.

– П-потому что у меня там беспорядок, – заверил я, не солгав.

Разве это порядок, когда превращается в труп молодая красивая женщина?

– Но я хочу спать, – сказала Кристина, вновь собирая в морщины то, что осталось у нее от лица: разводы косметики.

Я поспешил ее успокоить:

– Спать в кабинете тебя положу. Это самая спокойная комната. Там диван широченный и воздух чистый: окна выходят в сосновый парк.

– Положи хоть куда-нибудь, – проныла Кристина, дефилируя в мой кабинет совершенно дурацкой походкой манекенщицы.

Зачем ей, спрашивается, это нужно? Тем более сейчас. Но с другой стороны, куда денешь старые привычки. Вилять задом – комильфо нашего времени. Раньше приличные женщины не ходили походкой проститутки, а гордо выступали, как королевы.

В кабинете Кристина первым делом потребовала:

– Роби, положи, наконец, в сейф мою сумочку, как обещал. Не держи ее в руках, это единственное, что у меня осталось.

Беспрекословно выполнив просьбу сестры, я начал укладывать ее на диван, но мне помешал телефонный звонок.

– Постели постель сама, – крикнул я и бросился к одному аппарату, в гостиную к другому, но везде слышал только гудки. Я заметался по всей квартире.

– Это мобильный! – крикнула Кристина из кабинета.

Я с ужасом вспомнил, что сунул его в карман брюк, которые лежат под покойной. «К черту! Пусть звонят!», – зло подумал я. Однако, кто-то был слишком настойчив, да и Кристина занервничала:

– Что, не можешь трубку найти? А вдруг это Макс? Сейчас тебе помогу!

По звуку шагов я догадался, что она шлепает в гостиную. Как ужаленный сорвался с места и влетел в спальню. Старательно отворачиваясь от покойной, нащупал брюки, достал телефон и стремительно направился в гостиную. Панически боялся, что Кристина увидит труп и ругал себя последними словами, что до сих пор не врезал в дверь спальни замок.

Как я ни спешил, но столкнулся-таки с Кристиной на пороге – ох и резвая у меня сестра. Для ее тридцати пяти даже слишком резвая. Правда, только тогда, когда дело касается ее Максика: лысого и пузатого шпендика. Кому только понадобился такой?

– Что ты медлишь? – истерично взвизгнула Кристина, кивая на сотовый.

– Сейчас, сейчас, – успокоил я сестру, выпихивая ее в гостиную и поспешно прижимая трубку к уху.

И снова услышал голос с отвратительной блатнецей:

– Ну че, козел? Попал? Или ты ще не понял?

– Кто вы? – закричал я, но в трубке уже раздавались гудки.

Кристина, затаив дыхание, стояла рядом. Покосившись на дверь спальни, я сказал:

– Это не Макс.

– А кто? – обиженно прошептала она.

– Не знаю. Ошиблись номером.

Мне было мучительно-больно видеть, как угас взгляд сестры. Так больно, что грязный блин ее лица не раздражал даже. Кристина растерянно застыла, скосолапив ноги, жалкая, похожая на воробышка. Она успела снять пиджак, юбку и блузку и стояла в одной комбинации. Сквозь тонкую ткань просвечивались сползшие чулки, врезавшиеся в тело трусики и лифчик с упавшей бретелькой. Все не комильфо. Передо мной была не чванливая светская дама, а моя сестрица, прелестная детка из далекой юности. Детка, слегка постаревшая. Мне было шестнадцать, а ей шесть. Я хватал ее на руки и подбрасывал в небо, а она от восторга и страха визжала...

Как давно я не видел ее, свою детку. Пахнуло родным, давно забытым.

– Кристя, – нежно попросил я, – иди на диван, поспи, малышка, а потом что-нибудь придумаем.

Лучше бы я ее не жалел.

– Ро-оби! – заскулила она, делая шаг ко мне и тычась мокрой щекой в халат. – Ро-оби! Как больно-оо! Я ему отдала лучшие свои годы! Он броси-ил меня-яя! Мама еще не знае-еет! Я бою-юсь! Я так бою-юсь ей говорить!

Кристя была такая хрупенькая, маленькая, заморенная диетами... Мне стало стыдно, что я большой, но ничем не могу ей помочь.

– Маме мы не скажем, – успокоил я сестру. – Пока не скажем, а там, может, вы помиритесь.

Она потрясла головой:

– Не получится. У Макса баба, она беременная, а я так и не смогла родить ему сына.

«Никто не смог, наш род теперь совсем угаснет», – подумал я, вспоминая генную диверсию, устроенную мне родной матушкой.

Раздавшийся внезапно звонок напугал нас: мы взвились, словно поддетые рогами черта.

– Кто это? Кто? – забормотала Кристина и тут же нашла ответ: – Это Макс! Беги! Скорей! Открой! Господи, в каком я виде!

Я устремился в прихожую, думая, что мой вид не лучше. Успокаивало только одно: Макс уряд ли есть до этого дело.

Заглянув в глазок, обмер: это была Заславская Мария.

Глава 7

Я вернулся к Кристине и виновато сообщил:

– Это не Макс, это Мария, жена Виктора.

– Мария? О, боже! – заметалась она. – Спрячь меня! Роби, спрячь! Заславская ни в коем случае не должна знать о моем горе!

– Никто не должен, – испугался я, хватая сестру за руку и поспешно уводя ее в кабинет.

– Что мне делать? Что делать? – лихорадочно тараторила Кристина.

– Ничего, ложись на диван и спи, как собиралась. Заславская ненадолго, – заверил я, открывая шкаф и пытаясь найти приличный костюм. Не встречать же Марию в халате.

Однако, все приличные костюмы были в спальне, куда идти совсем не хотелось. Я слишком долго копался. Мария перестала звонить и начала колотить в дверь, сопровождая грохот громкими криками:

– Роберт! Открой! Я знаю, ты дома!

У Кристины нервы не выдержали.

– Роби, не копошись, иди ей открой, – зашипела она. – Ничего страшного, что ты в халате. Извинишься и переоденешься, она подождет.

Я схел совет сестры разумным и пошел открывать.

Увидев меня в халате, Мария смутилась:

– Роберт, я вытащила тебя из ванны? Извини. Я подумала... Боже, как глупо! Я барабанила, как... Но я так за тебя испугалась! Извини, извини.

– Ничего страшного, проходи в гостиную.

Она прошла, села на диван, на котором сидела Кристина, и каким-то странным глухим голосом сказала:

– Роберт, прости, но я все знаю.

– Знаешь?!!!

– Знаю, – трагично тряхнула головой Мария. – Это ужасно.

Я ухнул на дно ада.

– Все мое существо в шоке, – зловеще прошептала она.

Я затравленно глянул в сторону спальни, упал в кресло и, облизав пересохшие губы, выпалил:

– Откуда ты знаешь?

– Мне сказала сама Светлана.

Я вздохнул с облегчением:

– Ах, вот ты о чем.

– А ты что подумал? – удивилась Мария.

– Какая разница, – ответил я, поднимаясь из кресла. – Позволишь мне переодеться? Ты такая нарядная. Как-то не удобно сидеть перед тобой в этом дурацком халате.

Я с отвращением посмотрел на свои волосатые ноги. Она отмахнулась:

– Ерунда, Роберт, халат тебе очень к лицу, сиди.

Так не считая, я хотел возразить и уйти, но вдруг увидел разбросанные по ковру туфли Кристины и передумал. Совершенно очевидно, пока я буду переодеваться, Мария заметит туфли и парализует меня вопросами. Зная ее хватку, я поежился и предложил:

– Пойдем в столовую, покурим.

Она оторопела:

– Ты же не куришь.

– Уже начал.

– Ах, да, – согласилась она, – в твоём положении это простительно. Но тогда уж лучше пойдём в кухню: там вытяжка.

Мы отправились в кухню. Мария присела, достала из сумочки мундштук и спросила:

– Ну? Где твои сигареты?

Я растерялся:

– Их нет.

– Как – нет? А что же ты куришь?

– Все покурил.

Она сочувственно кивнула:

– Ещё бы, в твоём положении. Но у меня тоже кончились. Видимо тебе придётся сходить в магазин.

Такая перспектива не радовала. Оставлять Марию в квартире с трупом и Кристиной? Нет! Только не это!

Я вдруг вспомнил, что сигареты могут быть у сестры, и обрадовался:

– погоди, похоже кое-что осталось в кабинете.

– Могу сходить, – предложила Мария.

– Нет-нет, – испугался я и опрометью кинулся вон из кухни.

В гостиной я подобрал туфли, спрятал их между диванными подушками и только тогда отправился в кабинет. Просунув голову в дверную щель, я обнаружил, что Кристина не спит: лежит и смотрит в потолок безжизненным взглядом.

– Кристя, – прошептал я, – у тебя есть сигареты?

Она прошелестела:

– В сумочке, а тебе зачем? Неужели ты куришь?

– Нет, для Марии.

Пришлось лезть в сейф...

– Пожалуйста, побыстрее, – протягивая Кристине сумочку, попросил я.

– Ты что так нервничаешь? – удивилась она.

Я разозлился:

– А то не знаешь? Вдруг Заславская увяжется за мной? Вдруг увидит тебя?

На самом деле я больше переживал, что она из женского любопытства забредет в спальню. Вообще-то это абсурд: Мария прекрасно воспитана. Но по закону подлости и не такие чудеса приключаются.

Кристина наконец нашла сигареты.

– Вы будете долго шептаться? – спросила она.

– Только покурим и разойдемся, – заверил я и, выхватив пачку, умчался.

Лишь в кухне рассмотрел, что взял: как я забыл? Кристина курит женские сигареты – очень редкие и дорогие. К моей досаде Мария это заметила.

– Женские? – удивилась она и, усмехаясь, добавила: – Решил начать с любимых сигарет Кристины?

С деланным равнодушием я отмахнулся:

– Какая разница.

– Хм. Считаешь, тебе это по карману?

– Не говори глупостей, я не беден. Во всяком случае уж на сигареты найду. На любые.

Она примирительно усмехнулась:

– Не нервничай, Роберт, я пошутила.

Глянув на часы, я смущенно промямлил:

– Прости, Мария, но у меня...

– Да-да, сейчас уйду, – заверила она, закидывая ногу на ногу и поудобней устраиваясь в кресле для продолжительной беседы.

За бесконечные годы дружбы я изучил все ее повадки. Впрочем, дальнейшее показало, что не все.

– Роберт, – сказала она, пристально глядя мне в глаза и прикуривая от изящной золотой зажигалки. – Роберт, это все очень подло. Такое не должно происходить с тобой: ты слишком хороший. Это жестоко. Это несправедливо.

Не зная, что сказать, я пожал плечами и присел к столу, глядя на клубы дыма. Они вытекали из ее сочных красивых губ и газовой пеленой скользили по бледной щеке, украшенной симпатичной бархатной родинкой. Эта родинка мне очень нравилась, как и рысьи глаза Марии.

– Роберт, когда я узнала...

Вдруг она осеклась и, уставившись на сигарету, которую я беспомощно крутил в руках, строго спросила:

– Ты почему не куришь?

– Нет огня. Куда-то пропала моя зажигалка, – соврал я.

Мария дала мне прикурить от своей. Чтобы не разочаровывать ее, я затянулся и сильно закашлялся. Слезы брызнули из глаз, горло сдавило тисками...

А что еще могло со мной произойти? Курить я не умею. Мария вскочила и начала колотить меня по спине, окончательно лишая возможности сделать глоток воздуха.

Мне показалось, что смерть пришла: в глазах потемнело, я захрипел.

– Роберт! Роберт! – испугалась Мария. – Что с тобой, Роберт? Что с тобой?

В панике она полезла в холодильник, щедро оснащенный лекарствами. (Светлана не зря старалась, хоть я ее и ругал). Мария нашла пузырек с нашатырем и, не тратя время на ватки, против всех правил сунула мне его прямо под нос. Я дернулся, как ошпаренный, но задышал – нашатырь расплескался.

– Так можно выжечь глаза, – вместо благодарности, рассердился я.

– Фу-у, – с облегчением вздохнула Мария, вытирая с пола пролившийся нашатырный спирт своим кружевным платочком. – Как ты меня напугал. Тебе надо срочно менять положение. Нельзя жить одному. Без женщины ты пропадешь, – неожиданно заключила она.

Я был категорически не согласен: все зло от женщин. Если бы Светлана три дня не собирала меня в дорогу, я подготовился бы к конференции и не выглядел там таким ослом. Во всяком случае, изучил бы темы докладов, присланные мне из Парижа накануне. Если бы она не изводила меня всю ночь сексом, я эти темы (на худой конец) прочел бы в дороге и не полез бы на кафедру дураком. Но в дороге я спал, изнуренный Светланой. И в результате позор.

Ха! Я пропаду без женщин! А моя мать? Имей она каплю терпения, в моей спальне сейчас не лежал бы труп. Я остался бы дома, а у матери остался бы яд. Ей же захотелось поскорей получить подарки, и вот результат. Бедная Лидия! Впрочем, и она не лучше других. В голове сплошной ветер. Кто ее просил хватать мой бокал?

Теперь я жив, но бесплоден. В прах разбилась моя мечта...

Ха! Я пропаду без женщин! Сколько бед у меня от них! Взять хотя бы Кристию. Голова пухнет от проблем, которые ждут меня в связи с ее разводом...

Нет, к черту чужие проблемы! Завтра же уеду в деревню!

Но эти женщины и там достанут меня. Ха! Я, видите ли, без них пропаду! Так считает Мария. А чем мне она помогла? Пришла незваной, напугала, помешала, едва ли не силой заставила курить, а когда я, благодаря ее непоседливости, чуть не умер, сделала совершенно оскорбительное заключение: без женщин я пропаду. Взять бы да и высказать ей все, что думаю!

Разумеется, я промолчал. Говорила одна Мария.

– Роберт, зря хмуришься. Не сердись. Сердце кровью обливается, не могу смотреть как ты пропадаешь.

Что?! Я пропадаю? С чего это она взяла?! Да жил бы не тужил, когда бы меньше ко мне приставали.

– Роберт! Почему ты молчишь? Хочу знать, как ты относишься к моим словам. Надеюсь, ты понимаешь кто ты есть? – спросила Мария, ставя меня в тупик.

Слава богу она сама дала ответ на свой странный вопрос:

– Роберт, ты гений! Гений! Но, как все великие, абсолютно беспомощен в быту. Ты весь там, – она воздела руки и закатила глаза. – Ты в грандиозном, в высоком! Разве пристало тебе заниматься ничтожным? Ах, Роберт, дорогой, согласишься, тебе нужна женская помощь, ласка, ненавязчивая забота.

«А она где-то как-то права!» – мысленно согласился я.

– Но брак для тебя хуже концлагеря. Хуже газовой камеры, Роберт!

Я оживился:

– Не могу с тобой не согласиться. В браке любой мужчина гибнет от удушья.

– Вот видишь, Роберт, – торжествовала Мария, – я одна знаю, что тебе нужно. Ты не создан для брака. Брак – это похороны твоего таланта...

«О, как она права!»

– Роберт, жена потребует внимания, отнимет все твое свободное время, измотает тебе все нервы. Наука осиротеет!

«Как сходятся наши мысли!» – поразился я.

– Да что наука, Роберт, осиротеет мир! Мир потеряет тебя! Ты запутаешься в женской юбке... Это будет конец. Я готова тебе помочь. Хочешь, буду к тебе приходить?

Я спустился с небес:

– Зачем?

Мария встала рядом, прижала мою голову к своему животу и, матерински чмокнув меня в макушку, воскликнула:

– Ах, Роберт, ты словно ребенок. Неужели не видишь, кто ты есть для меня? Неужели не чувствуешь? Это странно. Знаешь, почему я вышла замуж за Виктора, а не за тебя?

«Что-то не помню, чтобы так стоял вопрос», – подумал я и признался:

– Не знаю.

– Да потому, что стать твоей женой не решилась! – с патетикой воскликнула она. – И до сих пор за это себя ругаю!

Пока я цепенел и таращил глаза, она, нацеловывая мою макушку, пояснила:

– Ах, Роберт, уже тогда ты был неземной. Весь в науке. Ты на ангела был похож: витал в облаках, вокруг себя ничего не замечая, а Виктор... Он такой хваткий, такой рациональный. Это меня и сгубило. Я устала от его командировок, от его измен... Но больше всего я устала, Роберт, смотреть на то, как плохо тебе. Меня мучает чувство вины. Это я! – вдохновенно воскликнула она. – Я тебя погубила! Я отдала Виктору, этому бездарю, этому ничтожеству с регалиями, этому...

Не найдя нужных слов, Мария с досады топнула ногой, опять чмокнула меня в макушку и, проводя по себе руками, простонала:

– Ах, Роберт! Ведь все это принадлежало тебе!

Я вышел из ступора и закричал:

– Да что? Что принадлежало мне, черт возьми?

– Все! Моя нежность, моя любовь, моя ласка, забота, восхищение! Впрочем, вру. Все это ему я не отдала. Всегда только тобой восхищалась. Но забота, она досталась Заславскому. Пришло время исправить ошибку. Роберт, тебе не нужна жена – тебе нужна...

– Любовница?

– Нет, Роберт, нет! Тебе нужна я. Буду к тебе приходить, но лишь тогда, когда ты в этом действительно нуждаешься. Нимфой проскользну по квартире и все приберу. Захвачу на стирку белье, приготовлю обед или ужин. Роберт! Ты должен работать! Только работать – остальное беру на себя.

Я едва не прослезился:

– Мария... Ты идешь на такие жертвы? Прости, но принять их никак не могу.

Она присела на корточки, положила руки на мои колени (в брюках они смотрелись бы лучше) и, ласково глядя в глаза, прошептала:

– Роберт, позволь мне тебя опекать. Клянусь, ты этого почти не заметишь, никак тебя не обременю. Ты же меня знаешь.

Я ее знал: никогда Мария не была занудой, не зря я завидовал Виктору.

– Но, дорогая, я растерян, а как на это посмотрит Виктор?

– Мы не скажем ему. Это будет наша тайна. Маленькая тайна, от которой нет никому вреда. Мы же не собираемся делать ничего плохого...

– Да, конечно, Мария, на плохое ты не способна, но я ничего не могу понять. Откуда на меня такая благодать свалилась?

Она покачала головой:

– Ах, Роберт-Роберт, неужели ты не понимаешь? У меня нет никого родней. Я страшно одинока. К тому же, жизнь бездарно прожита, без плодов, без толку. Дай мне хоть так восполнить потери. Хочу быть твоей служанкой, твоей рабыней. Это единственный шанс принести пользу людям. К тому же чувства мои к тебе не угасли, а с годами стали еще сильнее...

Она по-прежнему сидела на корточках, от чего юбка на ее крутых бедрах натянулась, казалось вот-вот лопнет – это было очень соблазнительно. Пышная грудь Марии вздымалась, влажный рот манил...

В голове моей был сумбур: «О чем она говорит? О каких чувствах?»

Я вдруг припомнил как на юбилее у Виктора случайно легла на мое колено ее нога. Решил, что она перепутала, Виктор сидел рядом. Выходит, я ошибался... А на моей докторской защите, когда все напилось, и мы остались с Марией одни... Она положила голову мне на грудь и сказала:

– Роберт, любимый...

Тогда я не придавал этому значения... А на пикнике, несколько лет спустя, она затащила меня в море и вдруг начала целовать. По-настоящему, в губы! Я решил, что она хочет позлить Виктора, он за секретаршей ухлестывал. Выходит, я был неправ...

– Мария... – Я заглянул в ее прекрасные, слегка раскосые глаза: – Мария...

Неожиданно она взобралась ко мне на колени и лихорадочно зашептала:

– Роберт, миленький, позволь мне, позволь, я не буду тебе в тягость, я ничтожество, я твоя раба, ты даже меня не заметишь...

Я уже не понимал, о чем она говорит: лицо мое горело. Ее полные груди я чувствовал даже через махровый халат. Впрочем, он вскоре был развязан. Мария извивалась, все сильнее и сильнее прижимаясь ко мне своим упругим горячим телом. Не помню как мы оказались на столе.

Пришел в себя лишь когда Мария шепнула:

– Роберт, может лучше в спальне?

Я слегка протрезвел:

– Нет, в спальне нельзя. Хочу в столовой.

– В столовой?

– Там шире стол.

– Ах, Роберт, какой ты! – с восхищением простонала Мария.

Схватив ее на руки, я устремился в столовую и...

Глава 8

И в этот драматический момент раздался звонок в дверь. Нас с Марией словно ледяной водой окатили. Она слетела с моих рук и бросилась лихорадочно поправлять прическу, хотя ей и без того было что поправлять: юбка спущена, блузка расстегнута, одна грудь выпростана из бюстгальтера... Впрочем, я был ничуть не лучше.

– Кто это? – тараща глаза, прошептала Мария. – Роберт, ты можешь не открывать?

Я ее успокоил:

– Конечно могу.

С нервной торопливостью встряхивая себя в юбку, она глянула в зеркало и ужаснулась:

– Кошмар, на кого я похожа! Губная помада размазана по лицу! Роберт! И ты весь в губной помаде! Халат, халат завяжи!

– Зачем? Мы же открывать не собираемся.

– Нет-нет, ни в коем случае, но все же иди посмотри кто там.

Я на цыпочках прокрался в прихожую и заглянул в глазок: у порога топталась Варвара.

– Там твоя дочь, – сообщил я Марии.

– Бог ты мой! – Она схватилась за голову.

– Не волнуйся, позвонит и уйдет, – попытался я ее успокоить.

– Ах, ты не знаешь Варю! – рассердилась Мария. – Будет до посинения здесь торчать. Если не дозвонится, сядет на лавку перед подъездом и будет ждать. Неужели не понимаешь? Ее бросил жених, ей надо поплакаться. Разве ты не в курсе?

– Да, что-то Варя мне говорила.

– Роберт, милый, не стой столбом. Иди открой, но только спрячь меня, спрячь. Ах, надо было сразу открывать, уж я бы ее отчитала и домой отправила.

Я удивился:

– А что мешает тебе теперь?

– Роберт, какой ты ребенок. Теперь, когда мы с тобой так долго копались и не открывали, она подумает бог знает что.

– Ах, да, – согласился я, – нехорошо получилось.

– Не страшно, – успокоила меня Мария. – Открой этой дурочке и скажи, что очень занят. Пускай домой отправляется. Только перед этим спрячь меня, спрячь.

Можно пойду в спальню?

– Нет-нет, – испугался я, – лучше посиди в столовой.

– Да, ты прав, – согласилась она. – Мало ли что. Вдруг эта оглашенная в спальню ворвется. Там балкон. Никогда нельзя точно знать, что ей в голову стукнет.

Ужасно невоспитанный ребенок. Вся в своего отца. Ах, лучше бы я родила от тебя, Роберт, пойду в столовую, в столовой как-то приличней.

Мария скрылась в столовой, а я поспешил открыть дверь Варваре. Она сразу упала мне на грудь и заплакала, приговаривая:

– Роб, какое счастье, что ты дома, Роб, мне так повезло, что хоть ты у меня остался.

Конечно, после таких слов я уже не мог заявить ей, что страшно занят.

Выплакавшись, Варвара устремила в гостиную; я проследовал за ней.

– Роб, – воскликнула она, усаживаясь на диван, на котором совсем недавно сидела Мария. – Роб! Он меня бросил! Я этого не переживу! Не поверишь: только что примерялась повеситься в твоём подъезде. На своём поясе. Если бы ты не открыл...

– Как хорошо, что я открыл! – обрадовался я.

Варвара пристально на меня посмотрела:

– Ты так думаешь?

– Конечно, – заверил я.

Она погрузила палец в рот и принялась покусывать его маленькими ровными зубками. Варвара таким образом задумывалась.

– Нет, Роб, я не переживу, – наконец вынесла себе приговор она и тяжело вздохнула.

Я удивился и позавидовал ее другу:

– Так сильно любишь его?

Варвара пришла в ярость:

– Что-о?!?! Его?!?! Эту скотину?!?! Терпеть ненавижу! Нет, он прикольный и все такое, – спохватилась она, – но разве можно в него влюбиться? Я не смогла.

– Тогда в чем же дело?

– Мне больно! Больно! У-у, как больно! – взвывала Варвара. – Чувствую себя опущенной ниже плинтуса! Роб, как ты не поймешь? Когда бросают, это так оскорбительно! Так унизительно!

«Уж мне ли не понять?» – подумал я, но промолчал.

Варвара вдруг с опаской глянула в мою сторону и неожиданно спросила:

– Роб, можно джинсы сниму?

Я опешил:

– С кого?

– Да с себя, – рассердилась она. – На тебе же халат и ноги. Ха! Роб, не обижайся, ноги у тебя такие прикольные, волосатые! Но не кривые. Мне они нравятся. Настоящие мужские ноги – большая редкость.

Хихикая, Варвара вскочила с дивана и начала извиваться змеей, стаскивая с себя невероятно узкие джинсы. В ужасе я закричал:

– Что ты делаешь?

– Роб, я замучилась. Понимаешь, эти критические дни... Как я вам, мужикам, завидую. Тампоны, конечно, вещь, но зря их так рекламируют. Роб, знай и всем скажи: надевать узкие брюки в критические дни – самоубийство.

Я рассердился:

– Зачем мне это знать?

– Ну как же, ты взрослый мужчина, ты все должен знать. Ох, как эти джинсы врезаются, у меня там все отваливается уже.

Она положила ладонь между ног; я испуганно отвернулся.

– Роб, ну не будь, как мои родители, – попросила Варвара. – Ты же клевый мужик, самый мой лучший кент, к чему церемонии? Уф, как хорошо, будто пояс верности сняла, – воскликнула она, откидывая джинсы в сторону и снова усаживаясь на диван. – Посажу так немного, отдохну, а потом надену опять.

Я нервно покосился на дверь столовой и предложил:

– Может дать тебе мой спортивный костюм?

Варвара усмехнулась:

– Роб, расслабься, тебе что, не нравятся мои плавки? А как же на пляже? – начала воспитывать меня она. – Нет, Роб, ты удивительный. Что с тобою творится? Ты стал хуже моей маман. Она старуха, сама уже не может себе ничего позволить и бесится, бесится...

– Варя, прекрати! – воскликнул я, затравленно оглядываясь на дверь столовой.

– Роб, что с тобой? – удивилась она. – Ты защищаешь мою придурашную мамочку? Эту зануду? Эту климактеричку?

Я холодно заявил:

– Твоя мать – образец для подражания.

Варвара взвилась:

– Что? Роб, ну ты даешь! Да она мегера! Слышал бы как она час назад вопила! Как оскорбляла меня! Кем только ни обзывала! Ха! Образец!

Не знаю как далеко зашел бы наш разговор, если бы не зазвонил мобильный. За трубку я схватился как утопающий за соломинку и опять услышал голос с блатнейкой:

– Ну че, козел? Ты ще не понял?

– Послушайте... – начал я, но в трубке уже раздавались гудки.

– Кто это цонькал? – презрительно поинтересовалась Варвара.

Но ответить ей я не успел: раздался новый звонок, на этот раз в дверь. Заглянув в глазок, я отшатнулся: на пороге стоял Заславский.

«Вся семейка в сборе!» – ахнул я и, вернувшись на цыпочках в гостиную, строго сказал:

– Детка, пришел твой отец. Боюсь, он не поймет моего либерализма.

Варвара была в шоке: она тупо смотрела на меня и молчала.

– Быстро джинсы надевай, – прикрикнул я.

Она очнулась и испуганно затараторила:

– По-быстрому не получится, их надо с мылом натягивать. Ой, Роб, давай я лучше спрячусь. Не хочу видеть отца. Они с матерью всегда ругаются, когда узнают, что я мешаю тебе работать и лезу со своими дурацкими проблемами. Роб, умоляю, спрячь меня, спрячь!

Я вспыхнул:

– С какой стати я должен тебя прятать? Что за чушь? Хоть сама соображаешь, что говоришь? Подумаешь, отец ругает ее. Правильно делает...

Не слушая меня, Варвара схватила свои джинсы в охапку и помчалась к спальне.

– Не-ет! – завопил я.

– Тогда в кабинет, – сказала она, и мое «нет» прозвучало чуть глуше.

– Ладно, пойду в столовую, – успокоила меня Варвара, после чего я лишь чудом не получил апоплексический удар.

– Иди в кухню, – приказал я, выталкивая ее из гостиной. – И джинсы, джинсы надеть не забудь!

– Ладно, так и быть, только ради тебя, – недовольно пробубнила Варвара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.